

Вячеслав Дегтяренко

Тáту

Вячеслав Дегтяренко

Тáту

«Издательские решения»

Дегтяренко В.

Тáту / В. Дегтяренко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903332-1

Повесть «Тáту 1989—2000» (в переводе с укр. — отцу) — сборник из писем отцу, хроник, дневников и рассказов, написанных в период службы и реанимированных спустя двадцать лет. Главный герой служит рядовым во взводе охраны, спортроте, затем курсантом и после распределения становится начмедом бригады спецназ. Места его службы: Харьков, Чернигов, Киев, Ленинград, Улан-Удэ-40, Тамбов. Он живет обычной жизнью: любит, страдает, воспитывает детей и думает о пропитании семьи.

ISBN 978-5-44-903332-1

© Дегтяренко В.
© Издательские решения

Содержание

ДВА СОЛДАТА	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	8
730 дней в сапогах	8
Харьков	13
Был ли Новый 1990-й год?	14
11.01.1990, Харьков	18
Вишнёвая косточка	20
Спортрота	22
Осень 1990 года	22
Снова Харьков	24
Дед	28
24.11.1990, Харьков	30
08.12.1990, Харьков	31
14.02.1991, Харьков	32
14.03.1991, Харьков	34
Часть вторая. Курсант	35
Non scholae, sed vitae dicimus (лат.)	35
12.06.1991, Красное Село	38
24.07.1991, Красное Село	39
10.10.1991	40
01.12.1991	42
22.12.1991	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Тáту

Вячеслав Дегтяренко

Корректор Юрий Алексеевич Перминов

Корректор Александр Борисович Павловский

© Вячеслав Дегтяренко, 2018

ISBN 978-5-4490-3332-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДВА СОЛДАТА

– Я не подпишу согласие на лечение в психиатрическом отделении, – сказал заикающимся голосом матрос из Приморского края, – у меня последствия перенесенного инсульта. Я не могу нормально разговаривать, мои руки, ноги ничего не чувствуют.

– Но я не смогу начать ваше лечение и обследование, – настаивал лечащий врач, сидя напротив него в ординаторской, – к тому же госпитальные неврологи и врачи из Владивостока исключили вам этот диагноз. И томограмма показывает, что с вашим мозгом всё в порядке.

– А что у меня?

– Вас доставили к нам, так как у вас развился невроз. Вероятно, конверсионный, который проявляется заиканием и слабостью.

– Вы хотите сказать, что я псих?

– Нет. У вас был стресс, после которого вы переживали, и это подействовало на психическую сферу.

– Доктор, поверьте, я ведь не мог даже ходить. Не мог есть, пить. Всё из рук валилось. Я ничего не чувствовал...

– Это тоже невротические проявления.

– Вы понимаете, что много на себя берете? У меня мама – майор МВД, а дядя в Генштабе служит. Я уже жалобу в прокуратуру подал на командира и врачей госпиталя Владивостока с требованием о возмещении причинённого вреда.

– Вас унижали, оскорбляли или вы не доедали в столовой?

– Сложно сказать. За месяц в армии такого навиделся. На всю жизнь хватит. Зарядка, крики в казарме, везде бегом или строем. Пища мерзкая и однообразная. Я переживал. Звонил маме, дяде. Они обещали перевести меня в другую часть, поближе к дому.

– Дедовщина-то в армии есть сейчас? – после паузы поинтересовалась дама-врач, – вы мыли полы? Стирали чужое белье?

– Что вы? Видеокамеры в казарме. Убирали у нас технички из аутсорсинга. В каждом кубрике есть моющие пылесосы. В умывальных комнатах стиральные машинки стоят.

– Согласие на лечение подпишете? – наседал коллега.

– Мне нужно срочно позвонить маме. Где мой телефон? Я уже час в вашем отделении, а телефона всё нет. Почему его не принесли до сих пор?

– Вам девятнадцать лет. Что вы заладили: «маме позвонить»? Телефон скоро принесут.

– Я так не могу. Вы нарушаете мои гражданские права. И потом, невроз ведь ограничивает меня в будущем. Может, я в полицию пойду служить или поступлю в академию госслужбы... Что будет написано в моём военном билете? Дурак?

– Нет. Там будет написано: **В** – ограниченно годен к военной службе.

– А я получу денежную компенсацию?

– Конечно, получите. Ведь ваше заболевание развилось в период военной службы.

– Сколько?

– Раньше было двадцать окладов. Сейчас чуть больше.

– Ладно, давайте бланк, – с облегчением сказал матрос.

Это было вчера. А сегодня у парня разрядился телефон, и пропала зарядка, и он, лёжа на кровати, бил кулаками в подушку, приговаривая, что все врачи-сволочи, что вывернет всю армию наизнанку. Пришлось дать ему успокоительное. Взбудораженная мама из далёкого Оймьякона позвонила начальнику отделения и пригрозила подать на всех в суд: «Что из сына, ставшего в армии инвалидом, пытаются сделать ещё и овощ. Что его лишили связи с родителями, ущемляют в правах, и что у него даже нет туалетной бумаги...»

– Не переживайте, коллега, время сейчас такое... судиться, подавать жалобы, отстаивать свои права! – сказал я, – хочу вам зачитать письмо другой солдатской матери.

«Здравствуй сынок! Наконец получили твоё письмо. Хотя оно несколько нас не обрадовало. Я думала, что ты начнёшь службу гораздо лучше. Ну а ты начал её с нуля. Я не служила в армии, но думаю, что нечестно брать сахар со стола, хоть это были остатки. Не унижайся! Будь нормальным солдатом. Как бы тебе тяжело не было, не будь слюнтяем. Если это поймут твои товарищи, ты станешь изгоем. Ты извини, сынок, что я грубо с тобой разговариваю, но ещё раз прошу тебя: будь нормальным человеком. Это значит: не унижаться, не воровать и не жаловаться на судьбу. Я за этот поступок тебя не одобряю. Как бы тебе тяжело не было, ты должен остаться человеком, а не говном (ещё раз извини). Я тебя, конечно, поняла. Что ты мало спишь, ходишь в наряды, убираешь мусорку, что похудел на десять килограмм. Всё это можно пережить. Но если сломаешься, – твои товарищи тебя не поймут...

Сынок, будь солдатом и мужчиной, не падай духом и держи выше нос. Я на тебя надеюсь, что ты себя не утопишь в грязи. Ведь ты был на гражданке хорошим человеком, спортсменом, отличником. Докажи им всем, кто ты да что ты. И чтоб туалеты ты больше не мыл... Я знаю, тебе трудно во всём, но примиришься. Ведь и на нашей улице будет праздник. Я в тебя верю, как в человека и как в сына и надеюсь, что ты не замараешь звание «советский воин»! Целую тебя крепко, твоя мама».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

730 дней в сапогах

До Нового года оставалось двенадцать дней. Вечером был последний ужин в кругу семьи и друзей. Проводы отмечали в смежных комнатах. В одной – друзья родителей, во второй – школьная и дворовая компания. Я перебегал от одного стола к другому, слушал пожелания и напутствия тостующих мужчин, но ничего не запомнил. Приехали и мои однокурсницы из киевского медицинского училища, где им оставалось учиться ещё семь месяцев. Вечер пролетел одним мгновением. Четыре часа на сон – и спешные сборы в дорогу.

Утренний зимний дождь чередовался с мокрым снегом. Он таял, касаясь ещё не остывшей земли. Я надел отцовские туфли, школьный костюм с ватной телогрейкой и вылинявшую кроличью шапку, собрал провиант в туристический рюкзак. Брать или не брать спортивную форму и кроссовки? Ведь надо будет тренироваться. Решил, что в случае надобности родители пришлют её посылкой.

В военкомат провожали родные и друзья. Фотограф запечатлел, как слёзы мамы, бабушки и сестёр перемешивались с каплями зимнего дождя и в утренней темноте их можно было заметить с фотовспышкой.

Военный комиссар с напутствием «защищать Родину – великий Советский Союз...» выдал красную книжечку военного билета. Пока разглядывал страницы, капли декабрьского дождя оставили две кляксы от расплывшихся чернил.

На построении военком произнёс казённую речь, которую я не раз слышал на митингах и парадах. «Про дело Ленина и мировой пролетариат... про подвиг дедов и отцов... про угрозу империализма и про великую честь по защите завоеваний социализма...» На душе стало тоскливо и мрачно. Под туш оркестра «Прощание славянки» мы загрузились в холодный и неудобный салон ПАЗика.

Через час выгрузились и разместились в трёхэтажной казарме сборного пункта. Кто-то с кем-то знакомился или договаривался о дальнейшей службе с «покупателями». Так называли прапорщиков и сержантов, прибывших за молодым пополнением. Кто-то доедал домашние заготовки и рассказывал анекдоты с армейскими небылицами. Кто не успел, мог посетить армейскую парикмахерскую, где за двадцать копеек военные парикмахеры делали стрижки «под ноль». Каждый пытался скоротать время по-своему. День прошёл в непонятном и тревожном ожидании.

Ещё один формальный врачебный осмотр, на котором вчерашние школьники пытались симулировать психические болезни криками и припадками. Последний буфер, когда возможно задержаться на гражданке. Но врачи с невозмутимым видом ставили штампы в картах: «Здоров. А – годен к военной службе». Болеющие, хромые, слепые, припадочные и симулянты уходили в стройбат или на флот, где за три года могли оздоровиться.

Весь день родители ожидали моей отправки за воротами КПП, и мы обменивались с ними записками через дневальных. За две бутылки водки командир роты отпускал на ночёвку. Но я решил, что останусь здесь.

В десять прозвучала команда дежурного: «Рота, отбой!». Не раздеваясь и не снимая обуви мы улеглись на двухъярусные деревянные нары. Подушками служили рюкзаки с провиантом, а одеялами наши телогрейки. Вскоре потушили свет. Тускло горело лишь зелёное дежурное освещение.

Спать не хотелось. Соседи по койкам шёпотом делились впечатлениями от первого прослуженного дня. После зычного голоса сержанта: «Суки, если услышу хоть один

шорох, б...ь, источник, б...ь, будет на всю ночь откомандирован еб... ить плац, пид... рить туалет, х... рить картошку! И не сомневайтесь, п... оболы, работы хватит для всех!», – наступила тишина.

Лёжа на втором ярусе, я размышлял, для чего столько ненужных слов в речи этого молодого человека с умным лицом и модной оправой очков. Не исключено, что в школе он был хорошистом и увлекался игрой в шахматы. Неужели в армии не принято быть интеллигентом? Ведь эту же тираду можно было произнести другим тоном и с большим эффектом. От размышлений меня оторвал шепчущий голос жуликоватого по повадкам новобранца, который перелез на мои нары от соседа:

– Слышь, братан, помоги. Зёму менты ночью загребли... Вот малява... Надо двести рублей собрать... Сколько можь.....

– Извини, не брал с собой.

Ощущение, что меня арестовали. Только вот за что, я так и не понял. Бесконечные проверки, переключки, построения, колючая проволока на заборе, дефицит отдыха, минимум гигиены, блёклое питание, надзиратели сержанты, непонятная система наказаний, что дополнялось нецензурной коммуникацией.

Первые сутки военной службы позади. Оставалось семьсот двадцать девять!

В шесть утра, сформировавшись в команду из сотни человек, мы выдвинулись на электричку к станции Дарница. Сопровождающие нас прапорщик и старшина держали маршрут в тайне, так как боялись побегов. Пассажиры сторонились лысых новобранцев и переходили в соседние вагоны. Шум и галдёж сопровождался выпивкой, курением, анекдотами, азартными играми, выяснениями отношений и нецензурной бранью. Толстый краснолицый старшина со значком «Гвардия» рассказывал байки о службе...

Хутор-Михайловский, Нежин, Чернигов – остановки, где мы пересаживались с одного поезда на другой. В привокзальных киосках я покупал почтовые открытки, оставлял на них свои заметки для родителей: «Доехал до Нежина, следую в Чернигов. Целую!» – и опускал их в почтовые ящики.

В четыре утра мы высадились на станции Горностаевка. Маленькая приграничная деревенька, затерянная в глухих лесах. После переключки рота выдвинулась по узкой дороге, перемешивая мокрый песок и грязь.

Через час показались ворота с аббревиатурой «ЧВВАУЛ» и привинченными к ним пропеллерами.

Нас завели в холодный актовый зал, который выступал одновременно и ленинской комнатой. Полторачасовой инструктаж о том, кто такой солдат, его обязанности и об уголовной ответственности за побег. В новой интерпретации это звучало, как «самовольное оставление части» (СОЧ). Мне показалось странным, зачем и от кого убежать советскому солдату?

Здесь же приказали выбросить продукты на некрашенный пол, а все ценные вещи с туалетными принадлежностями упаковать в пакет, чтобы сдать каптёрщику. Должность, которая в армии сродни завхозу. Ими, как и хлеборезами чаще становились ребята с Кавказа. Кто-то спрятал провиант в карманы. Но в строю нас ещё раз проверили сержанты и продукты были отобраны, а из провинившихся сформировали рабочую команду. Ещё раз довели, что невыполнение воинского приказа грозит нарядами на работу (мыть полы, туалеты, мести улицу и т.п.) Наряд – это своеобразное наказание и/или армейская повинность.

Разместили в летних домиках, по кубрикам, где с трудом можно протиснуться между двухъярусных кроватей. От холода зуб на зуб не попадал. Буржуйка слабо отапливала помещение, и пар валил изо рта. Про постельное бельё забыли. Да оно и не понадобилось, так как раздеваться бессмысленно. Подушки, матрасы и одеяла были влажные и пахли плесенью и дустом.

Сна нет. Беспокоили мысли, связанные с домом и с ощущением угрозы, исходящей от старослужащих. Бросался в глаза контраст между требованиями, предъявляемыми к нам и ожиревшими распоясавшимися солдатами весеннего призыва.

В шесть утра прозвучала команда дневального:

– Рота, подъём! Выходи строиться на утреннюю физическую зарядку! Форма одежды номер три.

– Какая зарядка? Ведь я глаз так и не сомкнул.

Зарядка – это построение на импровизированном плацу в чистом поле. Сержанты обучали первым премудростям армейской жизни. По несколько раз мы выбегали из казармы и становились то в колонну, то в шеренгу, то вновь разбегались.

В туалет и к умывальникам передвигались только строем (в колонну по шесть) – всей ротой или отделением, маршируя и запевая песню о бравых лётчиках, разученную накануне.

Солдатская столовая – это маленькое затхлое помещение с кислым запахом и почерневшими от времени, плесени и сырости стенами. Мы ждали её, как праздник, который скрашивал серые однообразные будни, так как каждый приём пищи чем-то да удивлял.

Основным строевым упражнением в столовой было «сесть-встать». Всё это происходило под смех и одобрительные выкрики со стороны откормленных солдат – поваров с Кавказа. Когда сержанты добивались синхронизации нашей посадки, муштра переходила на раздатчиков пищи. На приём пищи оставались считанные минуты. После этого раздатчики накладывали огромной поварёшкой еду из чугунного котла в жирные алюминиевые тарелки. К ним было брезгливо прикасаться, как и к кружкам, где на поверхности напитков плавали радужные пятна.

На завтрак – варёное сало, на гарнир – перловая каша, на десерт – сладкий чай, недопечённый хлеб и кусок масла, которое выступало своеобразным десертом.

Пища постоянно холодная, но и она проглатывалась. Кормили скудно, однообразно и неэстетично. Через час о приёме пищи забывал. Брать с собой хлеб категорически запрещалось, но некоторые тайком прятали его в карманы и за пазуху, за что наказывались нарядами на работу.

В десять часов утра объявили об очередном построении. Место – заснеженное поле на окраине лагеря. Точнее, сержант назвал это плацем, так как накануне трое провинившихся солдат лопатами сделали разметку и расчистили снег. «Три солдата из стройбата заменяют экскаватор» – незло пошутил дед.

После не первой и не второй переключки мы замерли в ожидании командира батальона майора Петренко. О нём говорили только шёпотом и с придыханием. Каким далёким и всемогущим он тогда казался. Сколько власти в его руках! Ведь из этой учебки нас распределят по весям нашей Родины. Радовало, что уехали на электричках, – значит, географической ареал службы будет нешироким. Везунчиков, как считали, могут оставить здесь и через шесть месяцев выпустят сержантами.

– Батальон, рааавняйся... Смирно! Равнение на середину... – прозвучала команда капитана.

– Здравствуйте, тааарищи солдаты! – выдохнув пары тёплого воздуха, строго пробасил комбат.

– Здравия желаем товарищ майор! – в один голос протяжно ответил батальон.

– Плохо, таарищи солдаты! Сразу видно, мало каши съели! – пошутил он, – командиры взводов, даю десять минут на проведение тренировок с подчинёнными.

Через десять минут приветствие стало только хуже и всё повторилось. С густых туч падал мокрый снег, у многих сапоги промокли ещё с ночи, а мы второй час разучивали приветствие, которое в виде какофонии разносилось по еловому лесу, пугая ворон да сорок.

В конце концов, синхронизация и тембр были достигнуты (или комбат подмёрз?), и майор Петренко почти повторил речь нашего военкома, только в более широком формате.

Мы слушали майорский монолог, боясь пошевелиться и пропустить что-то важное. Вспомнились уроки начальной военной подготовки, так как своими манерами он напоминал школьного учителя – отставного подполковника. Те же будённовские усы, расширенная сетка капилляров на одутловатом лице, прокуренные пальцы и несмело выступающий животик на неуверенных ножках. Я подумал, что в армии куют однообразных офицеров, которые довольно точно передают её дух.

Многое было непонятно. Я прежде не встречал мужчин, громко матерящихся на публике. Связывая скрижали русского языка с узко специфическими терминами: гарнизон, гауптвахта, наряд, строй, СОЧ, дисбат, майор сеял среди нас страх и уважение.

Ясно было одно, что теперь мы – солдаты, живём по распорядку дня, который регламентируется Уставом внутренней службы. Мы служим Родине и должны быть ей благодарны за возможность провести в армии два года, так как сэкономим на одежде и питании!

– У кого возникнут сомнения на этот счёт, тот может продлить своё пребывание в войсках на неопределённое время. Для непонятливых имеется альтернатива – дисциплинарный батальон... – завершил речь майор, – у кого ещё остались вопросы? Шаг вперёд!

Вопросов не было. Редкий смельчак может задать вопрос из строя. Нужно быть слегка раненым, чтобы набраться отваги и спросить что-то в строю. Даже если тебе непонятно – следует молчать. Кто задаёт вопросы из строя, – тех признают сумасшедшими. Об этом напутствовал меня отчим и друзья постарше.

В армии, как мне показалось, принято запугивать. Дисбатом, гауптвахтой, нарядами, дополнительной работой, отдалённым гарнизоном, лишением увольнения, отпуска, премии и других материальных благ. Вероятно, это необходимо для укрепления сознательности, боевого духа и единоначалия.

Поздно вечером на вещевом складе нам выдали первую военную форму. На солдата причиталось: кирзовые сапоги, байковые портянки, две пары белья (тёплое и холодное), гимнастёрка и штаны-галифе, а также шинель до пят, двупалые шерстяные рукавицы, цигейковая шапка, подворотнички и летняя пилотка.

После отбоя нас повезли в полевую баню. Я тогда ещё не знал, что мыться мы будем один раз в неделю, а в остальные шесть дней – лишь умывальник с холодной водой. Для личной гигиены достаточно двух вафельных полотенец в неделю и куса хозяйственного мыла на месяц. Солдат не потеет! Главное – это ежедневный чистый подворотничок, за белизной которого на утренних осмотрах трепетно следили сержанты и старшина. Пришивая его, я вспоминал начальную школу и классного руководителя, которая делала мне замечания после недельной носки подворотничка. Но сейчас иное. Подворотничок – это своеобразный маркер и не столько гигиены. По нему можно судить о достатке, свободе, сроке службы военнослужащего. Я видел, что старослужащие подшивали его чёрными нитками, которые контрастировали на фоне толстой белой тряпки от изуродованных простынь.

Если о личной гигиене почти не заботились, то для общественной предназначались столитровые стальные баки с хлорной известью и лизолом, которым дежурная смена (наряд) щедро обрабатывали кубрики, умывальники и туалеты. Также я заметил, что в армии должно быть всё на виду. Приём пищи, душа, сон, посещение общественных мест, – минимум перегородок, минимум стеснения.

Новобранцев перед входом в дышащее паром брезентовое сооружение всех внимательно оценивали старослужащие. Они «старательно» запаковывали вещи в фанерные ящики и якобы отправляли нашим родителям. Попутно проверяли наличие денег, наручных часов, авторучек, зажигалок, домашнего белья и носков. У солдата ничего не должно быть личного и выделяющегося. Никакого белья и носков! Всё – единообразное и казённое!

Мылись мы по десять минут на группу из семи человек. Вода из труб подавалась либо очень горячая, либо наоборот, шла ледяная. Краники отсутствовали. Поэтому приходилось стоять в стороне от сбегających струй и ладонями черпать её. Полотенец не было, как и тапочек, мочалок, шампуня.

С трудом на мокрое тело налезало бумазейное бельё, которое впитывало в себя влагу.

Форма послевоенного времени. В ней мы скорее походили на военнопленных, нежели на советских солдат. Наиболее популярный размер одежды – сорок шесть, третий рост. На крупных парнях одежда трещала и расходилась по швам, что смешило старослужащих.

Затем наступили премудрости клеймения и пришивания погон, петличек, шевронов, пуговиц, эмблем.

Сержант тщательно проверял качество, измеряя линейкой требуемые миллиметры. Не понравившееся «рукоделие» сдирал. Так продолжалось достаточно долго. Свои услуги предлагали старослужащие. Погоны – червонец, шеврон – три, петлички – два, полный комплект подгонки обмундирования стоил двадцать пять рублей. Находились те, кто не сдерживался и отдавал.

Первые сутки учебки, казалось, вместили в себя более двадцати четырёх часов. «Когда же она закончится, и наступит достойная военная служба? – думал я, та, которую привык наблюдать в передаче „Служу Советскому Союзу“, та, о которой так романтично писали советские литераторы...»

Пока шил, вспоминал стихотворение «Швачка» (*швея*) Т. Г. Шевченко, которое изучали на украинской литературе.

«Рученьки липнуть, зліпаються віченькі,

Боже чи довго тягти?

З раннього ранку до пізньої ніченькі

Голкою денно дерти...»

(Руки устали, слипаются глаза, боже, сколько осталось? С раннего утра до поздней ночи иголкой денно шить).

После подшивки перешли к клеймению обмундирования раствором хлорной извести. Спичкой, на которую наматывалась нитка, необходимо обвести фамилию с инициалами, дату призыва и номер военного билета на всём выданном имуществе, соблюдая заданные размеры и строгие правила. Мне было легко, так как в детском саду воспитатели привили любовь аппликациям и рукоделию. Все мальчики к восьмому марта вышивали салфетки с пионами для мам и бабушек.

Через неделю учебки нас сформировали в команду из двадцати человек. На продовольственном складе выдали сухой паёк, пешком мы дошли до станции Горностаевка, там сели в дизель-поезд, и он повёз нас в южном направлении.

Первым делом опустошили содержимое сухого пайка, состоявшего из перловой каши, жира с прожилками говядины, заспиртованного хлеба и сухого гороха. Всё было проглочено сразу, несмотря на внешнюю непривлекательность содержимого, под указания сопровождающего, что ехать будем долго. Но и этого оказалось мало. Голод продолжал мучить. Пассажиры вагона, заметив бегающие взгляды, угощали нас, кто чем мог, и мы не стеснялись брать.

Харьков

Увидеть его улицы мы смогли лишь через щель брезентового навеса грузового автомобиля, который привёз нас в Харьковское высшее военное авиационно-инженерное училище (ХВВАИУ).

– Повезло вам, пацаны! – сказал водитель ГАЗона, – это не в полях окопы копать.

Нас было мало в сравнении с остальной массой солдат. Всех, не принявших присягу, окрестили «духами». И полтора месяца выкрики дедов и черпаков: «Духи, вешайтесь!» преследовали марширующие ряды.

Сержант Пейшель поставлен руководить нашим взводом на карантине. Что это означало, никто не знал. Ведь мы не заразные и ничем не болели.

Всех молодых солдат разместили в одной казарме. По ночам в кубрики приходили «старики». Наверное, от скуки или от злобы, нам устраивали учебные тревоги и «смотрины». Заодно с обмундирования отрывались пуговицы, «сравнивались» ремнём окружности талии и головы. Кого-то заставляли отжиматься от пола или пробивали грудь. За деревянной перегородкой казармы жили стройбатовцы, которые после ухода «экзаменаторов», продолжали вбивать азы армейского бытия. На каждую метко брошенную фразу, необходимо было дать ответ, как правило, одновременно всем взводом, громко и нецензурного содержания. Ночи были бессонными и состояли из тренировок на одевание. Сорок секунд – пока горит спичка. За это время надо выпрыгнуть из кровати, одеть и застегнуть обмундирование, намотать портянки. «Намучившись» с нами до двух-трёх часов ночи, сержанты шли спать, оставляя нас пришивать оторванные пуговицы и устранять выявленные недостатки.

Голод преследовал постоянно. Худели на глазах. Ели всё, что жевалось. Особенно вкусной показалась мне подмороженная рябина, которую не успели склевать снегири. Кто не курил, начинал курить. Во-первых, время перекура – это время отдыха. Чем больше перекуров, тем больше отдыха. Во-вторых, в курилке появлялась возможность обсудить то, о чём в казарме нельзя было и заикнуться. Но и здесь возникали проблемы, связанные с поиском сигарет. Как правило, собирались окурки (бычки). Остатки табака смешивались и набивались в самокрутки из листов от газеты «Правда» из ленинской комнаты. Окурки выискивались по всему периметру нашей части во время уборок территории.

Всё, что каким-то образом уцелело в Горностаевке, безропотно отдавалось сержантам и старослужащим. Но мой блокнот и спрятанные в нём пять рублей ещё долгое время хранились, как НЗ (*неприкосновенный запас*). Купить еду было невозможно, так как в солдатскую чайную нас не отпускали. «Не положено по сроку службы духам ходить в чипок!» – повторял сержант. Да и денег у нас тоже теоретически не должно было быть. В дальнейшем я с другом всё же таки пробрался в чайную, но наш обед был замечен черпаком (прослуживший год). Он доложил сержанту, и наказание не заставило себя долго ждать. Наряд на работу в туалет и три наряда по службе вне очереди.

Как-то проходил мимо курсантского стола, где после завтрака остались кусочки рафинада, и взял, сколько поместилось в руку. За мной шёл старшина. Пять нарядов вне очереди – сутки через сутки. Самое распространённое в последующем взыскание. К чувству голода прибавился хронический недосып. Когда рассказывали, что в армии можно спать на тумбочке, – я удивлялся. Но здесь я научился спать сидя, стоя, лёжа на столе, на подоконнике и даже на ходу, пока идёшь в столовую. Всё это я опробовал на себе. Первую свою ночь в первом же наряде я спал на нешироком подоконнике казармы.

Иногда с наряда снимали, и, предоставив несколько часов на «отдых», ставили повторно. Причина для этого могла быть разнообразной, но она всегда находилась: мусор в казарме, вальжная строевая стойка, ремень затянут не по сроку службы, голос тихий или

невнятный. Дополнительно ко всему этому командир взвода устраивал проверки бдительности. Во время полагающегося в наряде отдыха, отстегнет штык-нож с ремня и спрячет у себя в кабинете. Некоторое время пытаешься найти пропавшее оружие. Не находишь и идёшь докладывать вместе с дежурным по взводу о пропаже. Он даёт время на поиски – один-два часа. При этом напоминает об уголовной ответственности военнослужащего за пропажу (хищение) оружия. В конце концов, когда уже готовишься морально к предстоящей ответственности, а в душе образовывается вакуум от неминуемого наказания, он вызывает к себе в кабинет и, самодовольно бросая штык-нож на свой стол, снисходительно заменяет лишение свободы пятью нарядами вне очереди.

Между нарядами и работами солдаты изучали общевойсковые уставы, на занятиях по политпросвещению замполит сообщал нам о потенциальных врагах социалистического строя и союзниках в деле победы коммунизма во всем мире. Теорию меняла иногда строевая подготовка, где мы часами на подмёрзшем скользком плацу учились строевому шагу и строевым приёмам без оружия. В девять вечера – обязательный просмотр программы «Время» и написание писем домой; подгонка обмундирования, уборка территории, работа на мусорной свалке. Всегда необходимо было создавать вид двигающейся машины.

«Солдат без дела не должен находиться! Если ты просто сидишь, – значит, в следующее мгновение ты будешь работать!» Это один из первых постулатов армейской жизни, который я усвоил. Второй – «Если ты не хочешь, то всегда найдется тот, кто сможет найти способ заставить!» Я искал и находил «полезные» занятия. Это, могло быть, например, длительная обработка солдатской бляхи, пуговиц или уход за сапогами.

Сначала она (бляха) ушком швейной иглы тщательно нацарапывается, затем «нулёвкой» – наждачной бумагой зачищается. После чего на шинельный лоскут лезвием бритвы мелко нарезается дефицитная «паста ГОИ» (твёрдая зелёная масса, происхождение которой и появление её в казарме никто никогда не знал), никогда не встречавшаяся мне ранее, но безумно популярная и дорогая вещь в армии. Далее она впитывается в этот лоскут и им натирается всё то, что может блестеть: пуговицы, кокарда, бляха. Причём бляхе солдатского ремня придавалось колоссальное значение. Она быстро окислялась, тускнела на влажном воздухе и требовала обработки по нескольку раз в день. За нечищеную бляху любой старослужащий мог нанести удар в область грудной клетки. Нечищенная или случайно растегнутая пуговица на кителе отрывалась иногда с остатками материи и последующим ударом. Следующим элементом служили сапоги. Но здесь – без комментариев. «Сапоги – зеркало души», – сказал сержант Пейшель на утреннем построении. Далее следовал поясной ремень. Он должен был затянут таким образом, чтобы между ним и животом не пролез и палец. Окружность талии новобранца (духа), которая определяла длину ремня, измерялась по окружности головы на уровне подбородка и темени. Тучным солдатам не везло. Лица их синели, краснели, и после пары пинков им разрешалось расслабить ремень. На свободном внутреннем крае ремня мы вырезали зубчики. Каждый зубчик – месяц службы. У каждого солдата был карманный календарь, в котором он иглой прокалывал пережитый день. Даже спящий он знал, сколько осталось дней до ДМБ.

Был ли Новый 1990-й год?

Мы сидели в ленинской комнате вместе с командиром роты и удивлялись новому слогу первого Президента Советского Союза. Ведь ещё год назад, это слово было ругательным и ассоциировалось с заокеанским врагом, которого карикатурно толстым в штанах в полоску, с цилиндром на голове и моноклем в глазах изображали в журнале «Крокодил».

На столах-партах расставлены бутылки лимонада, печенье, да по яблоку на человека.

– Ты чего бы хотел сейчас, Слава? – спросил у меня Ахмед из Таджикистана, когда мы пили «Ситро» под бой курантов на Спасской башне.

– Я бы...? Да, наверное, как и любой из здесь присутствующих – оказаться поскорее дома.

– Давай выпьем за то, чтобы наши желания поскорее сбылись!

В дальнейшем мы часто общались с ним, описывая друг другу, как выглядит наша Родина за забором КПП. Ахмед не мог поверить, что в Пасху принято разбивать варёные крашеные куриные яйца и на слова «Христос воскрес!» отвечать «Воистину воскресе!», сопровождая это трёхкратным поцелуем.

– И что, я могу подойти к первой девушке и сказать ей «Христос воскрес!» и поцеловать её три раза, а она не позовёт милицию?

– Можешь Ахмед!

– И когда эта ваша Пасха должна состояться?

– В конце апреля.

– Поскорей бы!

Ахмед обучил меня трём десяткам основных таджикских слов, русскую транскрипцию которых я записал у себя в блокноте.

Командир роты после команды «отбой» ушёл встречать праздник в круг домочадцев, а мы, лёжа на койках, до утра слушали продолжение банкета старослужащих. Не обошлось и без обязательных построений и сорокасекундных одеваний.

Карантин должен был скоро закончиться. Прошёл месяц службы. Старики, заведя издали нашу колонну, кричали нам вслед: «Духи, вешайтесь!». Скоро должна была состояться присяга, текст которой мы заучивали под присмотром замполита. А после присяги нас должны были перевести по подразделениям.

Как и полагается, нас вывезли в уличный тир, где каждый выстрелил из винтовки Мосина по три патрона, внося таким образом свой вклад в дело защиты Родины от потенциальных врагов, о которых нам не переставая рассказывал замполит на занятиях по внешней политике СССР. Теперь же можно было спокойно приступить к принятию военной присяги.

Два вопроса, которые интересовали всех в день 19 января 1990 года. С каким оружием мы будем сдавать присягу (дадут ли курсантские автоматы?), и кто к кому приехал? Не знаю, каким образом наши родители узнают о дне присяги, но не приехать к сыну на присягу считается большим упущением в воспитании. Хотя к ребятам из Средней Азии и Закавказья так никто и не добрался, но они не подавали обиды и мы как могли, утешали их, по-братски делясь с ними домашними пирожками и конфетами.

Приехала мама с младшей сестрой Витой. Сестре было девять лет, и для неё это было не меньшим праздником, чем для меня (поездка в другой город на присягу к брату).

Нас переодели в парадную форму одежды, ведь не могли мы показаться перед родными в том засаленном, мелкоразмерном, перешитом, смешном, что прикрывало тело солдата повседневно. Форма была всем к лицу и создавала героический образ защитника Отечества.

Автоматы получили курсантские, так как нам оружие не было положено по штату. Большая радость держать в руках настоящий автомат Калашникова после того, как кроме веника, швабры и лопаты ты ни к чему не прикладывался! Сразу активизируются древние инстинкты защитников-воинов, повышается статус, и чувствуешь себя героем.

Нас построили в музее училища в две шеренги. Родственников разместили на левом фланге. Командир автороты вызывал нас по два человека из строя, и мы, перебивая друг друга, каждый в своём ритме читали текст присяги.

Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооружённых Сил, принимаю Присягу и торжественно клянусь: быть честным, храбрым, дис-

циplinированным, бдительным воином, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников...

Присяга была длинной. Каждый читал её со своей скоростью, и со стороны это было похоже на словесный каламбур или какофонию. Хотя, когда читаешь её текст, кажется, что совершается какое-то священнодействие и все окружающие звуки перестают для тебя существовать. Лишь ты, красная корочка адресной книги, цевьё автомата и деревянный приклад, сжимаемые в руках. Даже сдача школьных экзаменов по накалу не дотягивала до принятия военной присяги.

Не у всех выходило гладко с чтением, несмотря на то, что её текст многими был выучен наизусть. Рыжий киргиз – Мансур – знал лишь русский с матерной стороны и общался с нами через более продвинутых земляков. Текст присяги он повторял после подсказок командира роты. Со стороны это выглядело комичным и вызывало смех у наших родственников. Казалось неправдоподобным, что кто-то может быть неграмотным и не знать русского языка!

Далее нас ждал праздничный обед. В этот день пища у нас не отбиралась и порции положили в два раза полнее. Выданы даже яблоки (по одному на солдата). Затем родители преподнесли домашние заготовки нашему командиру и нас соразмерно с этим отпустили в увольнение. Перед выходом из казармы он в течение часа инструктировал, спрашивал о знании обязанностей солдата в увольнении, правилах нахождения в городе. Лишь после того, как я отчеканил, что «в увольнении я должен быть вежливым, предупредительным, тактичным, внимательным, отдавать воинское приветствие старшим по воинскому званию...», он вручил мне невзрачный бланк увольнительной записки, которая давала право покинуть территорию воинской части.

За прошедший месяц оказалось, что я забыл о существовании жизни за забором, где ездят трамваи, где можно всласть есть, спать и просто расслабиться. Всё казалось таким далеким и нереальным. Чувствовал, что мой статус поменялся.

Гостиница, торжественный ужин в ресторане, домашние пирожки, рассказы, напутствия, мамины слёзы и долгое прощание. Увольнение пролетело мгновенно. Теплилась надежда на то, что скоро меня вызовут в спортивную роту.

На следующий день нас разбросали по подразделениям. Карантин закончился. Из запахов мы превратились в духов. Приходили сержанты, вглядывались в наши лица и выбирали достойных из достойных. Первой была сформирована авторота. Затем взвод охраны, пожарная команда, радиоузел. Оставшихся от делёжки новобранцев, забрали во взвод материального обеспечения.

Я попал во взвод охраны. Командир отделения – сержант Пейшель, командир взвода – прапорщик Колесников. Первые настоящие начальники и командиры. «Военнослужащие, согласно воинского устава, делятся на начальников и подчинённых». Сколько всего самого недоброго мы тогда желали белорусскому парню, который заставлял нас лезвием бритвы драить кафель на полу в умывальнике, часами чистить писсуары и унитазы, с использованием мыслимых и немыслимых средств, а затем пальцем проверял качество проделанной нами работы и жестоко наказывал провинившихся повторными продолжительными работами на унитазах. Меня поразило отсутствие чувства брезгливости и его упёртая настойчивость в контроле исполнения приказаний. Я был не готов, и наряды сыпались на меня один за другим.

Все солдаты объединяются в земляческие группы. Этот принцип стадности очень прослеживался во всех подразделениях. Причём у солдат, призванных с Кавказа и Средней Азии, он выражен ярче. Так и мы создали свою киевскую группу. Но противопоставить себя азиатским группам она не могла. Поэтому нам доставалась самая грязная, самая чёрная работа, поэтому, наверное, никто из нас не был ни каптёрщиком, ни поваром, ни хлеборезом. Может быть, это связано с отсутствием практицизма в славянской душе.

Так или иначе, я принял решение «завязываться» на медицинском пункте. Имевшиеся за плечами полтора года обучения в медицинском училище давали на это основание. Появившиеся новые друзья-киевляне Пашка и Виталик подталкивали меня к этому. А в медпункте можно заниматься любимым делом. Плюс всегда тепло, уютно и есть излишки еды.

В конце января тамошний санинструктор предложил прокатиться по вечернему Харькову, чтобы посмотреть город. Мол, главное – симулировать аппендицит, а там машина-санитарка в нашем распоряжении и пару часов можно будет кататься по городу, а если повезёт – познакомиться и с девушками. Для чего...? Не имело смысла... Но идея оказалась занятной, и я готов был пожертвовать собой ради общего блага. В приёмном покое медицинского пункта прошло всё успешно. Даже температура подпрыгнула до 37,5. Но, когда вопрос стал о погрузке в санитарку, все планы о приключениях перебил старший машины, которым оказался дежурный по автопарку – прапорщик С. Деваться было некуда. Машина заведена, прапорщик занял место старшего автомобиля. Пришлось ехать в госпиталь. Олег – санинструктор успокаивал меня тем, что теперь можно будет отдохнуть некоторое время от службы. Я же беспокоился за свой живот ещё больше, так как подобным образом не хотел зарабатывать себе на отдых.

С жадностью мы всматривались в огни вечернего Харькова и представляли, как могли бы провести время без старшего.

Долго и тщательно хирург расспрашивал меня о моих жалобах, собирая анамнез моего заболевания. Затем внимательно пальпировал мой живот, заставляя принимать разнообразные позы и положения. Я волновался и путался с характером болей, сбивчиво поясняя об их мигрирующем характере. Но когда вопрос стал о немедленном проведении операции, все жалобы улетучились.

Пять дней я «мужественно» пролежал в лазарете, исполняя роль выздоравливающего пациента. Сдавал анализы, измерял температуру тела, ловил на себе сочувственные взгляды окружающих. Но дело шло на поправку, и вскоре меня выписали. История закончилась успешно. Я немного отъелся на дополнительных харчах. Но во взводе это не нашло поддержки и я услышал в свой адрес новый эпитет «Косарь». Ежедневный груз забот взвалился на мои плечи с удвоенной силой. В армии не принято болеть, даже по-настоящему, так как твои обязанности будут выполнять здоровые за то же время и ту же оплату.

Работы во взводе охраны было много. Что мы охраняли, я так и не понял. По логике объектом охраны мог быть учебный аэродром. Но в караул по аэродрому солдат не брали. Руководством училища вся ответственность была возложена на курсантов. Большую часть времени мы проводили на каких-то стройках, в частных домах, подвалах. По вечерам же загружали мусоровозки. Это было самое грязное и неприятное занятие, выполнение которого «доверяли» солдатам-новобранцам.

Зима, вечер, с темного неба падает хлопьями снег, а ты стоишь по колено в отходах, из которых поднимается пар, и грузишь лопатами, а иногда и руками всё это в машину. Одежда пропитывается какой-то мерзкой влагой, мусор западает в карманы бушлата, сапоги, и даже в портянки и в шапки. От мусора тошнит и кружится голова. С крыши мусорки за работой наблюдает улыбающийся сержант, лениво выкуривающий сигарету за сигаретой и периодически подгоняющий нас: «Быстрее-быстрее, духи, холодно!»

Мама во время приезда на присягу ободрила меня: «Скоро попадёшь, сынок, в спортроту и всё будет в порядке!» Я не верил, но тренировался. В пэ/ша и в кирзовых сапогах наматывал километры по асфальтированному училищному кругу в часы, отведённые для просмотра программы «Время». По дороге обгонял одетых в спортивную форму офицеров, курсантов. От бега в сапогах сбивались портянки и стопы покрывались мозолями. Но идея была выше. Ничто не могло остановить: ни насмешки окружающих, ни отсутствие

сменной одежды, ни голодный рацион, ни отсутствие горячей воды, и постепенно я довёл свой ежедневный километраж до двадцати километров.

11.01.1990, Харьков

Здравствуй, папа! Спасибо за весточку от тебя. Каждое твоё письмо – это небольшой праздник для меня. Оно напоминает мне о моей гражданской жизни и про связи, которые внезапно оборвались. Спасибо за деньги и купоны, которые я получил в конце декабря. Без купонов ничего нельзя купить и особенно перед Новым годом.

Снабжение Харькова по сравнению с Киевом лучше. Почти в каждом магазине продаются колбасы: Докторская, Останкинская, Русская, иногда бывают копчёные. Рыночные цены ниже киевских. Плохо, что вся молочная продукция продаётся в стеклянных бутылках, что приводит к её удорожанию и делает нас сборщиками стеклотары. Например, литровая бутылка из-под молока стоит пятьдесят копеек, а само молоко двадцать шесть копеек. Это же абсурдно унижительно! Сколько лишнего времени это отнимает. Но всё это мелочи в сравнении с происходящими событиями в Прибалтике. Неужели и нас это ожидает? Зачем тогда бороться? Что нам это принесёт? Политикой можно накормить только тех, кто и так сыт. Настоящая власть должна обеспечить людей всем необходимым: едой, одеждой, товарами народного потребления за счёт их заработной платы. Ты, наверное, знаешь, что каждый трудящийся нашей страны получает приблизительно одну десятую выработанного им условного продукта. А куда идут девять десятых? На нашу бесплатную убогую медицину или на образование? В США на эти же статьи отводятся суммы, в шесть-восемь раз большие, чем в СССР. Неужели после Октябрьской революции наш народ разучился трудиться? Почему он живет в таких условиях? Или мы много тратим на армию, которая защищает нас от самих себя? Мир давно понял, что никто ни на кого не собирается нападать. Кому нужна такая колония, как Советский Союз?

Какой из меня защитник, если я ещё никогда не держал автомат, не надевал противогаз, и мне даже штык-нож перестали доверять. Единственное, что я делаю, – это хожу в наряды. Объясняю, что это такое.

Наряд по КПП – это сутки стоишь возле ворот нашего училища и следишь за тем, чтобы никакой диверсант не прошёл на его территорию. Тот, кто захочет, – перелезет через забор (как обычный солдат) или зайдет с «чёрного входа». Другой наряд – это дневальный по роте. Двенадцать часов стоишь возле обыкновенной тумбочки с телефоном, отдаешь приветствие офицерам-прапорщикам и т.о. «охраняешь казарму». Сидеть, конечно, нельзя, даже ночью. В оставшееся время – «мальчик на побегушках». И так повторяется сутки через сутки, с семи вечера до семи вечера. Про отдых дневального в уставе ни слова. Иногда бывает, что спишь по два-три часа в сутки, не снимая кирзовых сапог и обмундирования. Зачем, во имя каких идеалов мы должны гробить здесь своё здоровье?

Я выполнил расчёт. За два года службы в армии солдат для государства обходится в шесть тысяч рублей. В пересчёте на пять миллионов солдат выходит тридцать миллиардов. И эти деньги уходят в трубу. А сколько денег тратится на вооружение, зарплату офицеров? Если бы пять миллионов человек работало на своих местах при среднегодовой зарплате в три тысячи рублей, за те же два года они бы могли получить тридцать миллиардов и принести нашей стране и обществу, по меньшей мере, двести семьдесят миллиардов прибыли. Оставим эту тему. Мне кажется, что я утомил тебя. Расскажу про свою жизнь-быт.

Записался в библиотеку училища. Выбор тут хорош: Драйзер, Платонов, Солженицын, Пастернак, много приключений, фантастики, газет и журналов. Есть теперь, чем заниматься, когда стоишь в наряде. Ежедневно я хожу в увольнение. Харьков не очень

чистый город. Чувствуется дыхание России. Грязь, мусор и слякоть на улицах, много сломанных, разрушенных и сгоревших домов, есть улицы без освещения и тротуаров. Никогда бы не сказал, что он был столицей Украины. Но сходить есть куда. На первом месте – что ещё осталось в магазинах, на втором – кинотеатры и музеи.

В Рождество Христово провёл шесть часов в Благовещенском Храме. Послушал литургию, звон колоколов, поставил свечи, помолился. Под конец службы вышел, как пьяный. Последующие три дня болела голова. Размышляю, отчего? Или я надыхался ладаном или я где-то согрешил? Но как не грешить в этой армии?

Из неприятностей: нам увеличили количество командиров. В наш взвод пришли ещё два прапорщика. Таким образом, на одного командира приходится два с половиной солдата. А ты знаешь, к чему приводит большое количество руководителей?

Вишнёвая косточка

- Славянка, есть у тебя девушка? – спросил Ахмет во время чистки автомата.
- Есть, конечно! Ярославой зовут! – гордо ответил Слава.
- Красивое у неё имя! Покажь фото!

Слава достал из блокнота маленькую помятую чёрно-белую фотокарточку своей девушки и передал Ахмеду. Они служили второй месяц и невольно стали друзьями. Он привык к такому необычному обращению, так как считал его своим другом и тот защищал его от нападок таджиков и киргизов. Ахмед учил его узбекским словам, а Слава – украинским. Было видно, что Ярослава понравилась Ахмеду, так как фотографию он долго и внимательно рассматривал.

- Молоденькая! Она приедет к тебе на присягу?
- Думаю, да. Она живёт с бабушкой, и та обещала отпустить её с моей мамой.
- Сколько ей лет? Вы давно встречаетесь?
- Да, давно, – соврал Слава. Ему хотелось выглядеть взрослым в глазах товарища, и он

сказал, что они ровесники, хотя Ярославе было всего шестнадцать и между ними было два года. В восемнадцать лет два года кажутся пропастью в отношениях, разговоре, внешности.

Их познакомили его родители. Слава поначалу сопротивлялся, отнекивался, ссылаясь на тренировки и учёбу. Про себя он считал, что чувства не возникают по желанию извне и должны загораться мгновенно. Маленькая, веснушчатая, с серыми глазами и узкой полоской губ, старомодно одетая – она не вызывала у него симпатию с первого взгляда. Но когда она пришла к ним домой с больным щенком, и он услышал её грамотную начитанную речь, он проникся к ней уважением. Она отличалась от однокурсниц из медицинского училища. Знаниями, кругозором и недетским мышлением.

- Ярослава, давай дружить?
- Давай Слава. Только называй меня Славкой, договорились.

Он был согласен. Необычно, но всё же. После учёбы и вечерней тренировки они, несмело взявшись за руки, гуляли по маленькому городу, где почти все знали друг друга. Кафе, кино, библиотека, шахматный клуб, дрессировочная площадка. Он купил у отчима щенка немецкой овчарки, и Слава давал девушке уроки служебного собаководства. В то же время ей было интересно всё, что и ему, и она проникалась его интересами.

- Знаешь, Славка, меня скоро в армию заберут.
- Знаю, Слава. Я даже знаю, о чём ты сейчас думаешь!
- О чём?
- Я тебя дождусь, и я буду гордиться перед девчонками, что мой парень служит в армии... Поцелуй меня по-настоящему.

Они лежали на декабрьском снегу и смотрели на мерцающие звёзды, и казалось, что кроме них никого больше нет в этом лесу. Лишь ветер иногда проносился между соснами и берёзами.

- Смотри, звезда падает. Давай загадывай желание поскорее. Я уже успела загадать.
- И я.
- И какое?
- Чтобы через два года всё повторилось. Чтобы мы так же лежали здесь и загадывали новые желания.
- И у меня тоже.

Он знал, что подобное бывает только в случаях де жа вю, а значит, не бывает. Знала ли она об этом, он не знал.

Через три дня в родительском доме состоялись проводы. Ярослава пришла в белой блузке и чёрной юбке, с распущенными волосами и неумелым макияжем на лице, но они почти не общались. Друзья, родственники, однокурсники, еда, вино, пожелания – всё смешалось в коктейль для будущего новобранца. Она почти ничего не ела, – лишь пила только домашний компот и молча наблюдала за происходящим. Слегка подвыпивший, он провёл её домой, и пообещал писать.

В феврале объявили день присяги. По случаю праздника солдатам выдали парадную форму, новые сапоги и даже на время чтения текста присяги – настоящий автомат Калашникова.

Два месяца прошло, как он оставил родительский дом, а казалось, что прошла вечность, как он живёт в казарме, где по ночам только и слышны крики старослужащих: «Духи, вешайтесь! Духи, день прошёл! Упал-отжался!»

На присягу приехала мама с младшей сестрой.

– Ярославу не отпустила бабушка. Сказала, что рано ей ещё ездить. И она права. Зато они испекли тебе вкусные пирожки с вишнями. Я сказала, что ты любишь.

– Ещё как люблю, особенно после голодной солдатской пайки. Я тут даже замороженную рябину есть стал.

На втором прикусе от вишнёвой косточки предательски треснул зуб.

– Что ж ты не сказала, что вишня с косточками?

– Видимо одна случайно попала.

Настроение было подпорчено. Зуб вывалился вместе с вишнёвой косточкой. Он не верил в знаки, совпадения и случайности.

Через два месяца Ярослава написала, что он ей противен. Внешне, физически, духовно, что она продала щенка и нашла другого парня. Слез не было. В соседней роте парень выстрелил себе в рот после письма девушки. Выжил, но остался инвалидом. Ему же надушенное письмо с остатками губной помады показалось девичьей глупостью, как будто наткнулся на глухую стену, в которой нет прохода и обойти нельзя. Через два года в декабре он вернулся из армии. В кителе, расшитом золотой ниткой и красным бархатом, аксельбантами и офицерской фуражке с высокой тульей, со значками «Гвардия» и «Воин-спортсмен» на груди. И первым делом он пошёл к ней домой на улицу имени Марии Лагуновой.

– А Ярослава уехала... – сказала на пороге её бабушка, – в Канаду к маме и просила её не искать и не беспокоить, молодой человек.

Спортрота

Через два месяца службы офицер с оказией привёз меня в Киев и сдал в спортивный клуб армии. Мне предложили тренера, рассказали о режиме тренировок, нарядах, обязательных построениях и отпустили домой. Бритый наголо, одетый в неудобное для меня обмундирование, держа за спиной вещмешок с деревянной биркой, на которой была выжжена моя фамилия, я ехал домой на родном 321-м автобусе.

На следующий день приступил к двухразовым тренировкам и занятиям в медучилище. Оставалось полгода до выпуска. Директор пошёл мне навстречу, разрешив экстерном сдать зимнюю сессию и отработать пропущенные часы. Девчонки поздравляли с возвращением. Жизнь пошла своим чередом.

Еженедельные построения и наряды не тяготили. К новому тренеру я приспособился быстро, и его жёсткая система меня устраивала. Мимолётные посещения СКА запомнились лекциями на тему спорта, общением с боксёрами, один из которых проиграл мне в армрестлинге, а второй попытался продать гвардейский знак за пять рублей.

Периодически устраивались соревнования: первенство округа, ВВС, тренировочные сборы. Запомнился Чемпионат Военно-воздушных сил по кроссу, проходивший в Узбекистане.

В Чирчик мы прибыли в конце ноября. Летели на военном самолёте. В Киеве уже выпал первый снежок, а там столбик термометра достигал двадцатиградусной отметки. Мне предложили выступить за ЮГВ (южная группа войск). Там я впервые познакомился с уровнем советского армейского спорта. Это когда спортсмену заказываются и шьются специальные сапоги из телячьей кожи на специальной подмётке, по индивидуальным меркам. В те времена было трудно купить кроссовки даже местных производителей. На Украине было лишь две фабрики, выпускающие спортивную обувь, пригодную для бега: «Киев-спорт» да «Львов-прогресс». Московский «Adidas» был уделом избранных и распространялся по блату. Поэтому увиденное здесь представлялось спортивно-военной фантастикой.

Меня выставили на трёхкилометровый кросс. Трасса проходила через кишлак, и шиповки скользили по гладким камням. Во время крутого подъёма дорогу перегородило стадо баранов. Заминавшиеся бегуны помогли нам сделать проход между животными, расталкивая их ногами. За выступление я заработал венгерскую зимнюю шапочку «петушок».

Перед отлётом домой съездил на рынок в Ташкент. Изобилие фруктов, восточных сладостей, невиданных мною ранее продуктов. Здесь разрешалось пробовать всё и в любых количествах. Выбрал арбуз на девятнадцать килограмм. У торговцев не хватило гирь для его взвешивания, и они воспользовались подручными средствами (бутылками, кирпичиками мыла и др.) Благо домой мы летели на военном самолёте, и вес багажа был неограниченным. Поэтому я решил привезти ещё и узбекских дынь. Когда же спускался с трапа самолёта, одна из трёх дынь, перевязанная самодельной бечёвкой, выскользнула из моих рук и оказалась на асфальте аэродрома.

Осень 1990 года

Октябрь мы провели на сборах в Евпатории. Пробежки вокруг озера Майнаки, трёхразовые тренировки, наслаждение последними осенними лучами крымского солнца, море фруктов, заплывы в обжигающей холодом морской воде. Минимум развлечений и максимум спортивной работы. Сборы должны были перейти в первенство Военно-Воздушных Сил в Курске.

Курский вокзал поразил своей запущенностью. Он уже давно нуждался в ремонте, электрификации и освежении зеленью.

Нас разместили в центральной гостинице «Курск». Утром мы ринулись за покупками. Страна жила в эпоху тоталитарного дефицита. Такового столпотворения в магазинах я уже давно не видел (в Киеве прилавки были пустыми). Где-то торговали по паспортам, проверяя прописку, где-то отпускали не более двух единиц товара в одни руки, где-то на это не обращали внимания. Наша команда вместо того, чтобы лежать и морально настраиваться на соревнования, занимала очереди в магазинах. Мне повезло! Я прикупил два электрических самовара, тостер, орфоэпический словарь иностранных слов, русско-английский словарь на сто тысяч слов. Такого в Киеве не найдешь, так как всё вывезено в Польшу.

Потом были соревнования. Лил дождь, мы бежали по размокшему полю, проваливаясь в спрятанные ямы, и я финишировал где-то в конце. Пожурили, посмотрели дневник тренировок, нашли ошибки.

Руководство СКА выделило мне нового тренера, с помощью которого я должен приносить рекорды, очки и результаты. Тренировки стали жестче и интенсивнее, и мне пришлось работать «через не могу». Я чувствовал себя измождённым и постоянно уставшим. В результатах наступил спад, и после очередного старта состоялся разговор с заместителем начальника СКА – главным тренером легкоатлетов.

– Твоя мама работает в магазине... И чем ты можешь нам помочь?

– Что необходимо, товарищ майор?

– Батнички, кофе, майонез, шампанское, красная рыба... Ты можешь составить список, что она может достать, а мы выберем, что нам нужно... Есть и другой вариант...

Дома рассказал о разговоре. Мама сказала, что займёт деньги у знакомых. До окончания службы оставался всего один год.

– Не надо, мам. Ты же знаешь, что спорт – это всего лишь хобби. Главное, что у меня теперь есть красный диплом из медучилища. Дослужу год и подам документы в медицинститут. С двумя льготами будет легче!

Достал из-под кровати мятую шинель, пыльные кирзовые сапоги, костюм пэша, вещмешок времён войны – и на поезд Киев-Харьков.

Снова Харьков

Взвод встретил меня не очень приветливо. Подобных случаев у них ещё не было, и у всех возникали вопросы:

– Как ты служил? Бывали увольнительные, хозработы, наряды? Переводили ли тебя каждые полгода...?

– Жил в казарме, три раза в день тренировался, питался в курсантской столовке по солдатскому пайку, два раза в неделю наряды, комната на четырёх.

Этому завидовали. Многие стали вспоминать, что у них есть спортивные разряды и просили оказать содействие.

Утром было построение. Расход личного состава на работы. Командир взвода прапорщик Колесник зачитывал фамилии на наряды.

– Стройка... Пять человек... Мусорка – три человека... Дача... два человека... Вещевые склады... два человека... Кухня... три...

Ничего не изменилось. Когда очередь дошла до меня, кто-то из строя сказал, что ему требуется помощник каптёрщика в спортзал. Это оказался Геворг. Так я оказался помощником каптёрщика спортзала. Конечно, от нарядов по взводу меня не удалось освободить, но зато остальное время у меня было занято работой в спортзале, которая оказалась довольно интересной. Накачать тёплым воздухом брезентовые ангары, убрать, подчинить-покрасить, перенести. Два шефа, бывшие военные: Филиппыч и Васильевич, которые и направляли нас в нужное русло. Самое главное, – появился свой угол. Это была маленькая комнатка под лестницей, она же столярно-токарная мастерская. Утром, когда работодателей ещё не было, мы по очереди: Геворг на кушетке, я на столе продолжали свой сон. По вечерам мы устраивали застолья и чаепития.

Я научился премудростям солдатского быта. Сварить суп кипятильником, смастерить бульбulyтор (*электрический кипятильник из двух лезвий для бритья*), пожарить яичницу на утюге, изготовить самодельные конфеты (вареный яичный желток, сливочное масло, сахар, сухари).

Одно из ноу-хау – это роспись «золотинкой». Выбирается открытка. Вначале каллиграфическим почерком простым карандашом пишется текст. Затем ушком швейной иглы, макая в клей ПВА, он обводится. Когда клей высохнет, лезвием бритвы аккуратно снимаются его излишки. Потом берется «золотинка». Так называю тонкую типографскую фольгу. На подошве утюга нагревается ластик. К букве прикладывается «золотинка» и припечатывается нагретым ластиком. Излишки «золотинки» счищаются лезвием. Процесс кропотливый и на одну открытку уходит два-три дня.

Начал конструировать свой дембельский фотоальбом. И хоть фотографий ещё не было, сам фотоальбом был запланирован на сорок восемь страниц. Он включал в себя аппликации из бархатной бумаги, оттиснённые по канту «золотинкой», перемежающиеся с калькой. Калька передавалась из рук в руки, старательно перерисовывалась, заштриховывалась цветными карандашами и фломастерами. На ней были изображены сцены из армейской жизни в юмористическом контексте. Поверхность фотоальбома отделялась раскроенной тканью от курсантской шинели, которая отличалась по качеству от солдатской более мягким ворсом и синеватым отливом. Буквы и цифры на лицевую сторону альбома выпиливались из латуни от бляхи солдатского ремня, начищались до блеска пастой ГОИ (Государственный оптический институт). Особое внимание уделялось солдатскому эпосу, который заносился, как в дембельский фотоальбом, так и в солдатский блокнот с адресами сослуживцев.

Прапорщик Колесник был достаточно «благосклонен» ко мне, и часто я ходил по пять суток нарядов через день. Как говорили: «Через день на ремень». Так же, как и раньше, когда

я спал, он воровал из-под подушки штык-нож. Но заканчивалось сейчас это либо купонами на продукты, которые выдавались нам вместе с денежным довольствием, либо бутылкой водки.

Он питался в солдатской столовой и видел, что я не посещал её. Типичное меню: жареная селёдка на ужин, отварное сало на обед, перловка, «ячка» на завтрак, плюс кофейно-овсяный напиток «Арктика». Всё это щедро приправлено комбижиром, от которого разгоралась изжога (*некоторые глотали пепел от сигарет, чтобы справиться с ней*).

Как-то в декабре я дежурил на КПП-2. К воротам подошёл мужчина средних лет. Представился начинающим предпринимателем, попросил рабочую команду. Он строил дом на соседней улице. Трактор вырыл котлован для закладки фундамента. Необходимо было вывезти грунт за пределы дома на тележках. Требовалось пять человек. За работу платил пятьдесят рублей. После ужина я нашёл желающих трудиться и лопаты. Решено идти после отбоя. Ближе к самоволке все отказались, сославшись на усталость и возможность ночной проверки.

Бабушка коммерсанта удивилась, увидев меня одного с лопатой. Показала участок, тележку и ушла спать. Дом был большим. Горы свежего грунта грозно возвышались возле котлована. Постепенно работа заладилась. Что придавало мне силы в тот момент? Возможно, просмотренный накануне фильм «Коммунист», где главный герой пилил деревья. Подпевая себе под нос патриотические песни, я перевозил землю.

В шесть утра меня напоили крепким чаем, накормили, дали обещанную купюру, и я довольный ушёл в казарму. На лицах саботажников читалось изумление. Всю неделю я завтракал, обедал и ужинал в офицерской столовой, а воскресенье подарил другу обед на его день рождения в привокзальном ресторане. Зарабатывать подобным образом мне понравилось. Денежное довольствие рядового советской армии четыре рубля в месяц, а на «шабашке» меньше десяти рублей не платили, к тому же работа, как правило, заканчивалась домашним обедом. Так я стал подсобным рабочим: строил, красил, копал огороды, ставил заборы, вывозил цемент. Во взводе нашёл двух проверенных ребят, так как в компании работалось веселее.

Между работой и нарядами дважды побывал в КПЗ (камере предварительного заключения) за «неудовлетворительное несение службы в наряде».

Сначала за невыполнение приказа дежурного по КПП-2. Приказ прапорщика состоял в том, чтобы открыть КПП в шесть утра и осуществлять пропускной режим на улице. Все мои заверения о том, что раньше семи тридцати никто не приходит на службу, ни к чему не привели. А за «разглагольствование» мне объявили пять суток ареста с отбыванием на гауптвахте. Прапорщик был боевым, прошёл Афганистан и пользовался уважением в училище.

Так я впервые очутился в КПЗ. На запястьях щелкнули наручники, разводящий курсант забрал у меня все острые предметы, ремень, и меня посадили в камеру. Я ощутил себя политзаключенным, осужденным без суда и следствия.

Но, в общем, здесь оказалось не так плохо, как я себе представлял. Тёплая чистая комната два на три метра, деревянные нары с небольшим изголовьем. По часам кормят и выводят в туалет. Самое главное – работать не заставляют.

Первые трое суток я отсыпался. Потом пришёл прапорщик Колесник и сказал, что во взводе некому наряды нести, так как многие болеют. В казарме я чувствовал себя героем, так как оказаться на «губе» удавалось не каждому солдату. Этим гордились и долго вспоминали.

Второй раз это случилось на первом КПП. Я также нес службу помощником дежурного. Ожидали приход генерала – начальника училища. И что-то не понравилось в моём поведении или во внешнем виде прапорщику – дежурному. Он заметил, что я тайком почи-

тываю Драйзера и между делом проверяю пропуска. Тогда он приказал снять шапку-ушанку и выровнять кокарду. Своей кокарде я придавал большое значение. Так как её изгиб свидетельствовал о том, к какой касте по сроку службы принадлежит солдат. Я сказал, что я уже не дух и ещё не дембель, чтобы носить ровные кокарды. Но услышан им не был.

Моя шапка полетела на землю, и, когда он намеревался наступить на кокарду каблуком, я легонько подтолкнул его в сугроб. Это происходило у стен штаба на глазах начальника училища.

– Пять суток ареста, товарищ рядовой! – без лишних слов выпалил усатый генерал.

– Есть, пять суток ареста! – так же сухо ответил я ему.

– Вызовите командира взвода. Пусть пришлёт вам замену и отведёт вас в карцер.

Удалось отсидеть два дня по причине дефицита кадров во взводе (многие болели). Хотя, если быть объективным, восемь дембелей с кроватей не вставали. Они курили, умывались, столовались в постели и выходили лишь в туалет и вечером в каптёрку, чтобы попить пива.

В январе я решил поступать на факультет подготовки врачей Военно-медицинской академии, о котором узнал от бегуна из Белой Церкви.

Внезапно у меня появился выбор. Начальник медицинской службы училища пригласил служить в медпункте, но с условием, что поступать в Военно-медицинскую академию я не стану. Заходя в медпункт к киевскому земляку и однокашнику по медицинскому училищу, я видел, что в свободе он проигрывает мне. Перспектива стать санитарным инструктором не прельщала. К тому же, слова «Ленинград», ВМедА, «Белые ночи» казались загадочными, манящими и отдавали волшебством, так что я отказался от перехода и написал рапорт на поступление в академию. Через неделю меня вызвал замполит училища и сказал, что такого негодяя, как я, не могут отпустить в академию: «чтобы вы ещё там опозорили честь нашего училища». Камнем преткновения оказались мои аресты.

– Почему ты не выполнил боевой приказ боевого прапорщика? У тебя ещё молоко на губах не обсохло, а ты уже рассуждаешь! Если прапорщик простит, – подам рапорт наверх. Нет, – служи у нас до дембеля, – отрезал рыжий краснолицый полковник.

Созвонился с мамой. Она удивилась моему выбору, но поддержала:

– Не поможет, – расскажи о нашей тяжёлой семейной жизни... Я одна, трое детей... Не поможет – поплачь... Не поможет, – перезвони мне... я приеду...

И вот я в мастерской прапорщика. Извинения приняты... и прощение выпрошено.

Медкомиссия, ВВК, тесты на проверку знаний по математике, химии, физике. Оставалось только ждать. Меня предупредили, что в академии проводится конкурс личных дел, которых ежегодно присылается до двадцати тысяч. Из них отбирают тысячу счастливицев, которых приглашают для сдачи вступительных экзаменов. Из приехавших поступает двести сотни человек.

Набрал книг и учебников из библиотеки и усилил тренировки. Несмотря на то, что профессиональный спорт отвернулся от меня, я не перестал тренироваться. В спортивном костюме, кроссовках наматывал километровые круги вокруг корпусов училища. По трассе трусили офицеры-курсанты, сдавались всевозможные зачёты и проводились соревнования.

Познакомился с курсантом Сашей. Он был из Ленинграда и «строил тело». Из спортивного зала он уходил последним, порой закрывал его нашими ключами. На совместных чаепитиях угощал балтийскими сладостями: лукумом, нугой, шоколадными конфетами, приправляя это рассказами о городе с прямоугольными, как в Европе, кварталами, чистым воздухом, и в котором летом не бывает темно. Мне не верилось, но конфеты и сладости нравились. Он научил меня азам тренировки бодибилдера, а я его стайерскому бегу.

В марте попросил меня сдать зачёт по кроссу на три километра. Сказал, что внешне мы похожи, хотя весил центнер.

– Оденемся одинаково в мою белуху. Ты натянешь её на ватник... Я начну дистанцию. Преподаватель слеп... Ты возьмёшь середину... Пару километров... больше не надо... Затем я финиширую.

Я согласился. Саша пообещал накормить щербетом и шоколадными батончиками. Соревнования проводились по тому же километровому кругу. После половины круга он бежал предпоследним. За два километра я вышел в лидеры, и Саша прибежал к финишу третьим. Но обман наш раскрылся. В итоге ему поставили тройку за кроссовую смекалку и «сообразительность», а большего и не требовалось.

После этого случая меня пригласили к участию в ежегодных курсантских соревнованиях по кроссу на три километра, посвящённых Дню рождения комсомола. По секундомеру отслеживая финишное время финиширующих курсантов, я понял, что могу рассчитывать на главный приз. За первое место полагалась премия – пятьдесят рублей. Моё время десять минут двенадцать секунд, и я был первым после десяти забегов.

В одиннадцатом забеге участвовал потенциальный соперник – курсант четвёртого курса. Первый круг у него три тридцать, второй три сорок два. Облегчённо вздохнул. «Парень выдохся, скорость падает...» – подумал про себя. Но на финиш он прибежал со временем десять ноль восемь. «Это два пятьдесят километр. Так не бывает у любителей! И ни у кого никаких подозрений!» – внутри кипели страсти. Лишь вечером солдаты из наряда по столовой рассказали мне, что видели, как он срезал дистанцию. «Его смекалка сработала!» – подумал про себя.

В понедельник на всеобщем построении училища мне было приятно получать из рук генерал-майора грамоту за второе место с добрыми пожеланиями стать военным врачом.

В марте к нам во взвод перевели отчисленного третьекурсника. Тихий, спокойный, интеллигентное выражение лица, правильная речь. Причина: конфликт с однокурсниками и болезнь. Мы сразу нашли общий язык и устраивали самоходы в город. Он философствовал по поводу гармонии на Земле, рассказывал о гороскопах и астрологии. Через месяц за ним приехал отец, и оставил мне их домашний адрес и телефон.

Увлёкшись бегом, чтением, заработками и нарядами, я позабыл о том, что зимой отправлял документы. Но в мае пришёл вызов на сдачу вступительных экзаменов.

– Жаль, Славянка, что тебя не будет на стодневке, – с печалью в голосе говорил Геворг, – я хотел в лесу шашлык приготовить, Ахтамара попить с тобой.

– Не переживай. Встретимся. На день ВВС я уже вернусь в Харьков, – утешал я его.

Стодневка – сто дней до приказа Министра обороны об очередном увольнении в запас солдат. В этот праздник дед становится дембелем и отказывается в пользу духов от своей порции сливочного масла, демонстративно подбрасывая кружок с маслом в потолок столовой.

Ночь перед отъездом из ХВВАИУ выдалась бурной.

– Ты опять сваливаешь от нас... Мы тут службу тащим, а ты себе халяву находишь!

– Тебе кто мешает? – парировал я и получил удар в грудь. Пьяный земляк был выше на голову, но у меня в руках оказалась металлическая швабра, которая уравнивала наши шансы. Подбежавшие армянские друзья разняли нас.

Утром мы обнаружили, что замки спортзала, взломаны, также как и дипломат Геворга, где тот хранил гражданку. Он расстроился за сломанный чемодан и украденные деньги. Я предложил выкупить его, так как считал, что все курсанты ходят на занятия с дипломатами.

Друзья провожали до поезда, просили привезти фотографии, сладости и сувениры.

Дед

Сергея деды не принимали в свой круг, и он якшался с нами черпаками. Маленького роста, круглолицый, с постоянным румянцем и юношеским пушком под носом он не производил должного угрожающего впечатления даже на духов, которые меж собой обзывали его Танкист. Он не готовил дембельский альбом и парадку, он не красил шапку гуталином и не подворачивал голенища курсантских юфтевых сапог, а продолжал носить холодные кирзачи без подков, он до сих пор пользовался подворотничком, тогда как деды поголовно использовали белые простыни из каптёрки и чёрные нитки для контраста. Мы слышали, как взводник Пейшель подшучивал над ним: «Как же ты, Серёга, стодневку будешь встречать? Небось, от масла так и не откажешься?» Он молчал и глуповато улыбался. Ему и сейчас было не в падлу взять веник или метлу, выйти с духами на зарядку или сходить в столовку на ужин с перловкой и жареной килькой.

– Слава, позарез нужна трёшка! – обратился он ко мне, – никто шабашку не предлагал?

– Какие работы, Серёга? Рождество только встретили.

– Не знаешь, где раздобыть?

Я не знал. Но вопрос с деньгами у Сергея не отпал, и он каждый день канючил их у ребят нашего призыва.

– Слушай, дарагой! – сказал чеченец Спартак, – никто денег тебе просто так не даст. Умей зарабатывать. Посмотри, что плохо лежит, сходи на рынок.

Спартак тоже был черпаком, но уже с духанства он себя поставил так, что не брал ни тряпки в руки, ни лопаты, чтобы мусорку разгрести, да и в наряды его ставили только дежурным.

– Я не умею так. Я же комсомолец, да ещё из Ульяновска!

– Замполиту расскажешь... Хочешь денег, – заработай.

– Как?

– Одеколону выпей на спор!

– У меня нет.

– Что же ты за дед, что у тебя нет даже одеколону. Ты что, не бреешься? Ладно, дам тебе свой «Шипр». Сколько хочешь?

– Пять рублей, – несмело ответил Сергей.

– Пацаны, кто в долю? – спросил Спартак, – сбрасываемся!

До программы «Время» ещё два часа, до отбоя три. Делать особенно нечего в воскресенье. Взводный прапор после ужина ушёл домой. Деды мирно посапывают в кроватях. Духи взлетку чистят от гуталина. Слоны ещё на работах. Впятером мы собрали пятёрку и положили её на тумбочку вместе с почти полным флаконом одеколону. Сергей, зажмурившись, после глубокого вдоха-выдоха сделал первый глоток. Из закрытых глаз потекли слезинки по пунцовому лицу. На третьем глотке одеколону попытался вырваться наружу.

– Сдаёшься? – подначивал его Спартак.

– Нет! Я могу! – пытался доказать спорщик.

Но одеколону оказался сильнее, и на пятом глотке Сергея вырвало недавним ужином.

– Дневальный! – прокричал Спартак, – убери тут у нас... Кто же тебя одеколону учил пить? Ещё и через узкое горлышко... Ладно, готовь нам пятак!

– Нет, я не сдаюсь! – не унимался раскрасневшийся и опьяневший Сергей, – сейчас допью. Дайте отдышаться!

– Давай, Танкист!

Сергей перелил одеколон из узкого горлышка флакона в гранёный стакан и залпом выпил зеленоватую жидкость, которой уже пропахла наша казарма. Сознание покинуло его глаза, и он грохнулся на некрашенный пол кубрика, от чего проснулись даже деды.

– Что тут у вас? – спросонья, потягиваясь, спросил сержант Пейшель.

– Танкист упал. Нажрался одеколону, – с блеском в глазах комментировал Спартак, – Ой, как же его колотит! Хороший был Шипр! Смотрите, он ещё и пузыри пускает!!! Надо бы дневального за Кисой в санчасть отправить.

Мы смотрели на извивающееся по полу тело сослуживца с подмоченными штанами, с белой пеной у рта и не знали, что делать. Мне показалось, что остатки жизни уходят из него, и я крикнул: «Дневальный, бегом в санчасть! Ребята, держите ему руки, ноги, чтобы не сломал». Бляху от ремня я вставил ему в зубы, так как предположил, что у него развился эпилептический припадок.

– Жив? – спросил запыхавшийся Киса. Мы закончили одно медицинское училище, и часто встречались с ним в санчасти, чтобы выпить чая, вспомнить преподавателей и гражданскую жизнь.

– Скорее, пьян.

– Давайте отнесём его в умывальник. Будем отрезвлять его. Холодной водой, марганцовкой и касторкой!

От вечерней поверки нас освободил дежурный по взводу, так как наша реанимация продолжалась до полуночи. Утром Сергей с трудом поднялся с кровати.

– Помнишь, что вчера было?

– Смутно. Помню, что спорил на пятёрку, что пару глотков Шипра сделал, а потом, как отрезало. Я проиграл?

– Нет. Вот твоя пятёрка, – достал из кармана я синюю купюру, – заслужил. Скажи, а зачем тебе деньги то были нужны?

– Матери послать. Болеет она у меня, инвалид.

24.11.1990, Харьков

Здравствуй, папа! Вот и закончилась моя служба в спортроде. Уже десять дней, как я опять в Харькове. Не верится. Казалось, что ещё вчера я был дома: тренировался, встречался за друзьями, учился, словом, делал всё, что хотел. Вроде бы ничего не изменилось, кроме внешнего вида. Но отношение окружающих стало иным. Можно подумать, что надевая солдатское обмундирование, человек лишается всех гражданских прав. Если ты солдат, то тебя можно обсчитать в магазине, можно разглядывать в упор, показывать на тебя пальцем, сказать какую-нибудь пошлую гадость... Но главное не в этом. Всё можно пережить. Я не могу понять, как человеку, не имеющего высшего или среднего специального образования, а соответственно и опыта общения с людьми, доверили командовать тридцатью солдатами? Человек, который не может сказать одного предложения без связки из ругательских слов, который бросает шуточки подобно восьмикласснику, как он может отдавать приказы и воспитывать людей? Ведь армия – это не развлечение и никто сюда добровольно не приходит. Зато уходят наполовину нравственными «дебилами». Лучше оставим эту тему, и расскажу я тебе о своей службе.

Как я предполагал, работы по моей специальности в медслужбе нашего училища не нашлось, и попал я во взвод охраны. Только до сих пор не могу понять, что и от кого мы охраняем. Похоже, что самих себя от курсантов. Но для этого нас слишком много. Поэтому большинство занято на работах за территорией училища: наряды на заводах, стройках, сбор урожая в полях. Ощущение, что мы – рабы и несём повинность под названием «военная служба». Но мне повезло. Познакомился с Геворгом. Он сказал, что ему нужен напарник в спортзал. Работа не тяжёлая, но травматичная. То палец порежешь, то поцарапаешься проволокой. А сегодня от сварки загорелась моя телогрейка, когда мы с прапорщиком варили железные уголки. Я бы и не почувствовал, если бы не запах горелой кожи, как у курицы, которую мама на газовой плите смолит. Он меня облил водой из пожарного гидранта, а потом успокаивал, говорил, что у него пол бока сгорело. Я сгоряча ответил ему, что мне за это триста рублей в месяц не платят.

Солдат обделён в финансовом положении. Еда в солдатской столовой отвратительная, в магазине почти ничего не продают, так как всё по купонам, а в солдатском чипке не наешься на смехотворное пособие. Представь, что из семи рублей нам выдали по два рубля в руки. Остальное пошло на подшивку, мыло, нитки, гуталин, швабры и нужды взвода. Обязаны были выдать и купоны на пятьдесят рублей, как малообеспеченным слоям населения. И в соседней автороте выдали. Но здесь мафия: «ничего не знаем, не положено, будете требовать – посадим под арест в КПЗ» и т. п. и т. д. КПЗ – это камера предварительного заключения или гауптвахта училища, где содержат особо ретивых и несогласных без суда и следствия. Только потому, что твоему командиру так угодно. Жаль, что в Союзе, как в других цивилизованных странах, нет организации по защите солдатских прав. Возможно, что беспредела было бы меньше!

P.S. Я попрошу тебя, папа, чтобы не травмировать женскую психологию, не рассказывай маме подробности моей службы.

08.12.1990, Харьков

Здравствуй, папа! Очень приятно получить твоё письмо. Решил проверить себя в украинском языке. Я впервые пишу письмо на нём. Не суди меня строго за ошибки.

Я рад, что у тебя хорошо. На днях прочитал в журнале «Советский воин» про социологическое исследование, в котором описывались отношения между мужчиной и женщиной. Вкратце. Пока муж молодой, его жена старается обмануть его и изменить. У неё большой выбор партнеров. И муж должен терпеть это, если любит. С годами мужчина входит в настоящую красоту, твердо стоит на ногах и ни от кого не зависит. И они меняются ролями. Так что, мой дорогой папа, всё у тебя впереди!

Ну а у меня всё хорошо. Постепенно привыкаю к новому статусу. Уже не такими грустными кажутся дни моей службы. Время набирает обороты и бежит быстрее и быстрее. Где бы не находился человек, он всегда находит для себя небольшие радости. Потому что невозможно жить без светлых проблесков. Так и в армии. Ты знаешь, папа, что мне нравится здесь? Не поверишь! То, что никуда и никогда не надо спешить, тут почти невозможно опоздать. Иногда бывает столько свободного времени, что не знаешь, куда себя приткнуть. Никогда не встречался с такой проблемой. Всегда выходило наоборот. Ты, наверное, усмехнулся, если бы узнал, какой ерундой занимаются солдаты. Дембеля спят дни напролёт. Еду в постель им приносят черпаки и слоны. Некоторые заказывают себе пиво и водку из магазина.

Вечерами и в выходные дни нам показывают видеофильмы и совсем бесплатно. Но если будешь сидеть возле телевизора, то командир быстро найдёт какую-нибудь работу. Мыть пол, убирать мусорку, подметать плац. Мне повезло. Я работаю в спортзале истопником. И есть, куда приложить руки. У меня небольшая каморка, где я храню личные вещи, так как в казарме процветает воровство. У меня пропала шинель и рубашка. Так что я своевременно получил эту должность. У меня есть компаньон – армянин Геворг. Как ты и говорил, что каждый человек тянется к своей крови и нации. Всё это пустые слова про войсковое братство, интернационализм, о которых нам говорят на политинформации. Это особенно заметно на примере нашей роты, где никто не скрывает земляческих отношений и на этой почве часто завязываются драки и выяснения отношений. Лишь русские и украинцы, как мне показалось, живут сами по себе. Я, правда, удивился, почему Геворг пустил меня к себе в спортзал? Ведь мог бы пригласить и других ребят.

Папа, ты спрашивал, что мне выслать? И деньги и посылка – всё дойдёт до меня. В армии кормят по-свински. Бывает очень гадко смотреть на отварное сало, на дешёвые крупы с плавающими тараканами и мухами. Столовая кишит крысами, а посуду моют таяп-ляп. Вилки, салфеток и ножей нет. Гнутые алюминиевые ложки, которые выскальзывают из рук. Иногда удаётся поесть по-человечески в офицерской столовой. Кроме этого у нас есть кипяtilьник из бритвенных лезвий, чай, сахар и полный набор посуды на двоих. Вечерами готовим себе еду, если есть из чего. Скоро Новый год, и мы поставили маленькую ёлку на верстаке в нашей каптёрке. Так что всё пригодится.

14.02.1991, Харьков

Здравствуй, папа!

Спасибо, что не забыл меня в это тяжёлое время. Спасибо за посылку и за письмо. У меня всё хорошо. Восемнадцатого января ко мне приезжала мама. Представляешь, мой командир не захотел отпускать меня в увольнение, якобы не было увольнительных записок. Но после беседы мамы с ним с глазу на глаз всё благополучно разрешилось. Дело было в бутылке водки. Ну и хапуга же он! Возле нашего училища сдавалась квартира, и мы прожили в ней два дня. После её отъезда меня снова потянуло домой. Грустно на сердце. Стоял в наряде. Поссорился с прапорщиком – дежурным по КПП, который запретил читать Драйзера в минуты затишья (когда никого не было). В армии не любят шибко умных, начитанных солдат. Я не матерюсь, не курю, не хамлю, и мне кажется, что являюсь бельмом в глазу. Закончилось трагично. Ему не понравилась моя кокарда на головном уборе, и он решил выровнять её каблуком сапога, скинув шапку на землю. Несмотря на кажущуюся интеллигентность, я не выступил сторонним наблюдателем и ударил его дважды в грудь. Он, вероятно, не ожидал и упал в снег. И всё это произошло на глазах генерала – начальника училища, который объявил пять суток ареста. Отвели меня под конвоем, в наручниках, как особо опасного преступника. Пробыл я в КПЗ двенадцать часов. Сидеть там одно удовольствие. Тихо, тепло, деревянные нары, кормят лучше, чем в столовой, и никто не заставляет работать. Жаль, что арест заменили нарядами вне очереди. Заболел мой напарник по спортзалу, и я должен был нести службу за него.

В предыдущий раз я попал в КПЗ тоже из-за случая на КПП. Второму прапорщику захотелось показать свою власть. Выспался на топчане. Проснулся в пять тридцать утра и стал кричать на меня, что, почему я сплю, тем более на подоконнике. Я ответил, что КПП ведь закрыто и нет смысла в моём бодрствовании. Тогда он приказал мне выйти на мороз и проверять пропуска. На моё замечание, что первые посетители приходят после семи утра, он не обратил внимания, и написал рапорт, в котором обвинял меня в неповиновении и саботаже. По дисциплинарному уставу мне угрожало два года дисциплинарного батальона. Заменили пятью сутками ареста в КПЗ. Вот такие люди служат в нашей армии! А встречаются ещё хуже. В марте к нам приходит новый командир. Прошёл слух, что он уставной дебил. Я видел его лицо, и, наверное, это так. Поэтому я решил убежать отсюда всеми законными способами и как можно быстрее. Сегодня я написал рапорт. Завтра отнесу его начальнику. Буду поступать в Военно-Медицинскую академию в Ленинград. Хуже не будет. Жизнь одна. Мне нравится медицина, хотя есть экономика, торговля, журналистика, где хочется попробовать свои силы. Мне уже скоро двадцать лет, а я не нашёл своего места в обществе.

В конце января в городской бане познакомился с тренером, который предложил помочь мне в беге. Я согласился. Правда, появились новые проблемы. Здоровье, питание, отношения с руководством, служба. Но мне нравится решать их. Заболеть в армии – нет проблем, надо только захотеть. Ночью в нашей казарме так холодно, что одеяло и шинель не спасают. Две недели в городе были морозы до минус пятнадцати-двадцати градусов. Сейчас эпидемия гриппа. В магазинах работники в масках. В армии существует принцип. Если есть температура – ты больной и тебя положат в лазарет. Если температуры нет, – то ты здоров, и на тебе можно пахать и сеять, а вместе с этим ходить в наряды.

К нарядам по КПП и казарме добавили наряды по столовой. Сегодня я сходил в него. Работа несложная, но очень грязная. Самое главное – я увидел, как готовят нам еду с начала и до конца. Когда у нас жили свиньи, то мама лучше готовила скоту, чем нам здесь. Если будет какая-нибудь кишечная палочка или сальмонелла, то переболеют все шестьсот чело-

век, что столоваются здесь. И это неудивительно. Кроме того, с продуктов, что нам положено, гражданские повара умудряются воровать лучшие куски мяса, сахар, масло, крупы, картошку, яйца. Ты бы видел, с какими сумками они уходят в конце рабочего дня. Как-то на КПП решили остановить одного несуну, так как сумка была больше привычного. Восемь килограмм масла, шесть сахара, пять филейного мяса. Конечно, нарушительницу уволили с должности. Но это маленькая капля. Воруют не только продукты питания, но и секретные бумаги, аппаратуру, компьютеры, запчасти, доски, бензин. Не была ещё неделя, чтобы милиция с собаками не искала воров на территории нашей части. И как не стыдно офицерам, прапорщикам воровать у самих себя? Ведь армия – это отражение нашего общества, нашего государства. И в армии всё это раскрывается в полной мере, потому что кроме тупых законов тут действуют бездумные уставы, которые защищают офицеров от неприятностей.

14.03.1991, Харьков

Здравствуй, папа! Ты спрашиваешь у меня про повышение зарплаты солдатам. Действительно, по слухам, в марте нам обязаны повысить денежное довольствие с семи до тридцати рублей в месяц. Но обещали ещё в январе. Пока я получаю по-старому. Ноябрьские купоны мы должны потратить до мая. Сегодня моё финансовое положение складывается из двадцати пяти рублей и ста пятидесяти купонов. Лучше было бы наоборот.

Единственное, в чём произошли перемены, так это в питании. Нас дважды в неделю кормят молочной кашей и дважды выдают на завтрак по одному варёному яйцу, а также кофейный напиток. Это, конечно, мало изменило общую картину питания и здоровья. Мои сослуживцы жалуются на изжогу, запоры. Нас по-прежнему водят в городскую баню один раз в неделю, и у молодых солдат чесотка и вши. Как видишь, министр обороны не очень заботится о нашем здоровье. Да и зачем?

Большинство солдат занимаются самолечением, так как в лазарет и поликлинику нас не пускают и наши врачи считают, что мы «косим», то бишь, обманываем их, чтобы облегчить себе службу. Меня бесит от такого скотского отношения к солдату. Ты не подумай, что я решил на всю жизнь связать себя с армией, поступая в академию. Конечно, есть свои преимущества: высокая зарплата, социальные гарантии, но навсегда носить форму цвета хаки не для меня. А в Ленинград я хочу съездить с одной целью: посмотреть этот прекрасный город, развлечься, повысить уровень знаний. У меня и мысли нет, что когда-нибудь я стану курсантом или офицером.

Проходят дни-недели-месяцы. Всё ближе дембель. Совсем скоро, двадцать седьмого марта выйдет приказ министра обороны, и я стану «дедом». Как всегда хожу в наряды, работаю в спортзале. Ремонтируем снаряды и сломанные лыжи, красим стены и турники. В минуты отдыха тренируюсь. Побывал в Историческом музее Харькова. Читаю газеты. Сейчас много публикаций про народные символы Украины. Узнал, что жёлто-синий флаг и трезубец были установлены в период Петлюры и гетьманщины. Не понравилось, что для истории дореволюционной Украины выделили всего один зал, а современной (революция, война, строительство социализма) – девять.

В своём письме ты пишешь про референдум СССР. Вчера в Харькове состоялся митинг под названием «Солдаты за единство Союза», проходивший на громадной площади имени Дзержинского. На неё согнали всех солдат и курсантов Харькова и втирали политику Горбачева. За что могут голосовать представители Азии и Кавказа? Ведь многие из них не знают таких слов, как референдум, федерация, конфедерация. Большинство из них пассивно отдадут свои голоса за единство Союза.

Часть вторая. Курсант

Non scholae, sed vitae dicimus (лат.) Мы учимся не для школы, а для жизни

Когда я приземлился в Пулково, мне показалось, что здешнее небо «ниже» киевского. Линия горизонта как будто простиралась над макушками деревьев. Да и растительность по сравнению с украинской выглядела скудной, блёклой и как будто болезненной. Видимо, сказывался дефицит солнца и тепла.

В вестибюле метро «Московская» столкнулся с военным патрулём: офицером и двумя курсантами. Их троица буквально вышла на меня и не оставила шансов не бегство. Начальник патруля – молодой капитан, просмотрев командировочное предписание и выслушав цель прибытия, не стал придирается к неуставной причёске, десантной тельняшке, выступающей из-под выбеленной афганки, подвороченным юфтевым сапогам, а с пожеланиями «ни пуха, ни пера», отпустил меня в штаб академии.

– Не хотите переписать рапорт на морской факультет? – спросил председатель приёмной комиссии, которая ютилась в небольшом помещении, забитом бумагами и пыльными томами с Ильичём.

– Синие погоны смотрятся краше, товарищ полковник!

– Дело ваше. Хотел, как лучше. Там и конкурс ниже и набирают в два раза больше. Вот вам новое предписание, товарищ рядовой. Электричка в Красное Село с Балтийского вокзала. Там расположен учебный центр академии, где вы месяц будете готовиться, а потом сдавать экзамены.

Поздно вечером вместе с абитуриентами из числа солдат я разместился в летнем домике. Непривычная тишина. Редкое матерное слово, нет дедовщины, никто не спрашивает о сроке службы, почти все читают книги и пишут конспекты. Так как у меня был диплом с отличием, то я попал в роту медалистов.

– Сначала сдаёте профессиональный отбор, потом – физподготовку, затем проходите медицинскую комиссию, – на построении инструктировал курсовой офицер, – кто пройдёт – ещё две недели даётся на то, чтобы вспомнить школьную программу и затем – экзамен по химии. Получаете «пять» – вы курсант! Если «хорошо» – сдаёте физику, историю, биологию и пишете диктант по русскому языку. С тройками можно сразу забирать документы из приёмной комиссии...

Я пошёл ва-банк и сделал упор на химии. Она мне нравилась в школе, и я думал, что будет легко. Но столкнувшись с академическими требованиями, я понял, что треть материала мы не проходили.

Учёба не прекращалась и после отбоя. Считалось почётным стоять на тумбочке дневального с двадцати трёх до часа ночи и после трёх часов, когда начальство лагеря спало, и можно было под отблески луны писать конспекты. Тумбочки были у каждой роты и представляли собой деревянные грибки с полевым телефоном и собственно сами крашенные тумбы, расставленные вдоль асфальтированной дорожки, где проходили построения. Нелюбовью пользовался наряд по столовой, так как в затхлом, грязном, влажном помещении на протяжении суток не представлялось возможным взяться за учебник или присесть за конспект.

Медкомиссия выставила диагноз: «Синусовая брадикардия. Спортивное сердце». На ЭКГ частота пульса – тридцать шесть. Отправили на дообследование в клинику Военно-

морской терапии. Расстроился, так мои шансы резко упали. Но затем обвыкся. Вечерние разговоры о городе чередовал с редкими процедурами и усиленным изучением химии на лавочке в сквере с цветущей сиренью.

Через две недели меня выписали. День приезда в Красное Село совпал с экзаменом по химии. У летнего домика щупленький невысокий полковник предложил переписать рапорт на второй факультет, чтобы стать врачом-десантником. Лишь после экзамена я узнал, что это был начальник второго факультета – полковник м/с Исаев, в прошлом заядлый лыжник и бегун.

– Вы, я знаю, хорошо бегаєте... А в тех войсках, где вам предстоит служить, это приветствуется... К тому же на нашем факультете у вас будет постоянная возможность для тренировок и повышенная стипендия.

– Какого цвета будут погоны?

– После выпуска конечно синие!

– Согласен, товарищ полковник. Давайте напишу новый рапорт.

Экзамен показался несложным. Подготовив ответ, я помогал соседу по парте – прапорщику.

Экзаменаторша, посмотрев лист с ответами, задала три дополнительных вопроса. А затем со словами «пять баллов», она отпустила меня на улицу.

Вспомнились проваленные экзамены в Киевский медицинский институт и та богемная аура, которая витала вокруг недоступного украинского ВУЗа. Здешние летние домики на природе, напоминавшие пионерский лагерь со строгой дисциплиной, никак не увязывались с серьезным ВУЗом. С другой стороны, я перестал быть солдатом, почти курсант и будущее стало более-менее определено. По этому поводу в столовой угостил соседей за столом красной рыбой. После отбоя, раскупорили бутылку Советского шампанского, открыли банку красной икры и коробку конфет «Киев Вечерний». Ребята достали из вещмешков осетрину, коньяк и балык. Мы праздновали сегодняшнюю победу. А когда хмель выиграл, перенесли праздник на берег озера. Риск большой, так как самоволка грозила отчислением, но эмоции переполняли, хмель сделал нас бесстрашными!

Утром нас перетурбировали в очередной раз по ротам и по домикам, разделив на тех, кто сдал на «отлично», и тех, кому предстоит бороться за право стать курсантом. Через неделю приехали гражданские абитуриенты и нас – вчерашних солдат – назначили командирами. Мне доверили руководить взводом. Жизнь стала более веселой и разнообразной. У гражданских абитуриентов начались вступительные экзамены. С новым другом Максимом – одесским сержантом бегали по Дудергофским высотам, к горе Воронья и по окружающим колхозным полям. К исходу от роты школьников, кадетов, выпускников училищ осталось лишь одно отделение. Через сито экзаменов прошёл каждый десятый приехавший. Некоторые из ребят уезжали домой с обещанием поступать на следующий год. Правда, забегаю вперёд, скажу, что никого я впоследствии не встретил в стенах альма-матер. Другие подавали документы в иные ВВУЗы. У ворот КПП в Красном Селе дежурили представители военных училищ и «неудачников» забирали в свои ряды. Ведь, чтобы приехать на экзамены в академию, необходимо было пройти конкурс личных дел и аттестатов.

В первых числах августа всех построили на плацу летнего лагеря и зачитали приказ о зачислении в Военно-медицинскую академию.

Меня определили командиром второго отделения пятого взвода. Начальник факультета сказал, что к выпуску учтёт моё пожелание служить в «голубых беретах и при синих погонах».

Начался двухмесячный курс молодого бойца, во время которого курсантам объясняли азы и премудрости военной науки и готовили к принятию военной присяги.

Так как я уже был знаком с ней, то меня вместе с тремя счастливицами определили охранять курсантское общежитие и делать там косметический ремонт.

Здесь же застала новость о приходе к власти ГКЧП. Августовским утром 1991 года взбудораженный начальник факультета со словами: «Радуйтесь, наконец-то правда восторжествовала, и военные пришли к власти!», закрылся на весь день в кабинете, украшенном спортивными медалями, кубками и грамотами. Всю ночь комментаторы по радио звали «прогрессивную половину» на площадь у Исаакиевского собора, чтобы не допустить произвола в стране. Рассказывали о танках и БТРах, которые окружили город и готовых вот-вот пойти на толпу. Мы ночь напролёт слушали приёмник и удивлялись стране и времени, в котором живём.

Утром на лице начальника факультета уже не было вчерашнего энтузиазма, и он буквально пробежал мимо нас, не остановившись, чтобы выслушать обязательное приветствие и рапорт, что происшествий за дежурство не случилось.

Я продолжал тренироваться. В качестве маршрутов выбрал набережные и улицы города, таким образом, чтобы изучить достопримечательности. Во время одной из первых своих пробежек трижды вызывал скорую помощь в разных местах города.

– Человек находится без сознания, скорее приезжайте!

– Кем вы ему являетесь? – спросили на том конце трубки.

– Да никем... Мимо пробегал.

Поразило общее равнодушие. Горожане проходили мимо лежащих на тротуарах и скамейках людей. Может, конечно, они были и пьяны, а если нет? – спрашивал я себя и не находил ответа.

12.06.1991, Красное Село

Здравствуй, папа! Пишу тебе из пригорода Ленинграда – городка Красное Село. Здесь в летнем полевом лагере организованы учебные сборы для абитуриентов, для солдат срочной службы. Меня зачислили в роту краснодипломников и золотых медалистов. Отбор начался с первого дня и довольно жёсткий.

Разместили всех в деревянных фанерных бараках на двухъярусных кроватях. По ночам два одеяла не спасают от холода. Умывальников и туалетов не хватает, и они расположены на улице. Горячей воды нет. Вместо бани – две брезентовые палатки, куда загоняют по двадцать пять человек и необходимо обмыться за десять минут. А питание здесь такое, что кроме хлеба, масла и чая, ничего нельзя есть с безопасностью для здоровья. Из-за того, что осенью трудящиеся отказались помогать колхозникам и урожай пропал, город переживает вторую блокаду. Селяне не поставляют продукты. Поэтому многие товары закупаются за границей и не лучшего качества. Всё можно было бы пережить, если бы разрешили ходить в Красное Село, но нам объявили карантин и запретили увольнения. Раньше я думал, что карантин связан с эпидемиями, но здесь я узнал, что он бывает и по социальным показателям. Все перемещения по лагерю осуществляются строем или бегом. Кто нарушает дисциплину, – отправляется в часть. Я привык. Смотрю на других парней. Все стиснули зубы и терпят. Чем я отличаюсь от них?

Живём весело. Иначе невозможно. Ты бы видел, что происходит в кубрике, когда кто-нибудь приносит продуктовую передачу от родственников. Толпа из голодных тридцати человек набрасывается на счастливого, и то, что находится у него в руках, разрывается вместе с полиэтиленом. Комично. Иногда доходит и до небольших потасовок.

Первое впечатление от Ленинграда – это суровый климат и отсутствие тепла, несмотря на яркое солнце и белые ночи. Через две недели это подтвердилось частыми дождями и холодными летними ночами. Представляешь, тут только расцвели цветы на деревьях. Радует, что когда нет дождя, то до одиннадцати часов вечера светит солнце. А в шесть утра, когда нас поднимают на зарядку, можно уже загорать, но времени нет.

Недавно сдал первый экзамен. Профессиональный психологический отбор. С восьми утра и до четырёх вечера отвечал на вопросы вместе с ротой. Каждого из нас посадили отдельно, выдали карандаши, перфокарты с порядковыми номерами. Их было двадцать, на каждой по сто клеток, в которой записываешь ответы на вопросы. За ограниченное время необходимо ответить приблизительно на две тысячи вопросов и написать сочинение из двадцати предложений. По итогам теста каждому присваивают категорию профессиональной годности. Их всего четыре.

После профотбора нам провели экзамен по физподготовке: подтягивание, бег сто метров, бег три километра. Все в военной форме и сапогах. Мне было легко. Подтянулся тринадцать раз, стометровка за четырнадцать секунд, три километра за десять минут с секундами. По всем дисциплинам я получил «отлично» и был единственным из нашей роты с подобными показателями. Теперь жду седьмое июля и экзамена по химии.

Сегодня в России проходят выборы. Я голосовал по трём вопросам: выборы мэра Ленинграда, выборы президента России, переименование города на старое название. Мэром я хотел видеть Собчака, президентом Рыжкова, а город – чтобы назывался Санкт-Петербург. Что ты думаешь по этим вопросам?

24.07.1991, Красное Село

Здравствуй, папа! Извини, что не сразу отвечаю тебе. Не было свободного времени. Я тебе писал, что профотбор, физкультуру я сдал на «отлично». После них я начал готовиться к химии, биологии, сочинению, физике и истории. Так как у меня «красный диплом», то мне необходимо было сдать лишь химию на «отлично». В этом случае я освобождался бы от остальных испытаний.

В конце июля меня положили на обследование в клинику кардиологии в связи с брадикардией. Не думал, что у меня могут быть проблемы с сердцем. Как говорится, что хуже, то к лучшему! Так и у меня вышло. Почти круглосуточная подготовка к химии закончилась отличной оценкой. Осталось пять дней до того момента, как официально объявят приказ о зачислении в академию.

Когда я собирался сюда, я и в мыслях не гадал, что буду курсантом. Думал, что приеду, посмотрю Ленинград, отдохну и обратно в часть, а там глядишь – сто дней до приказа и ДМБ. И лишь по приезду увидел, что учиться здесь очень почётно и мне захотелось потратить следующие шесть лет, чтобы получить диплом военного врача! Всё это пока только мечты, и жизнь покажет.

Из трёх факультетов подготовки врачей для флота, авиации и сухопутных войск, я выбрал последний, где готовят врачей для ВДВ. Думаю, что мой спортивный опыт поможет мне в этом. Сейчас у меня более-менее спокойная жизнь. Меня поставили командовать взводом гражданских абитуриентов, которые должны ещё пройти через жернова отсева.

Напиши о своём здоровье и о жизни в Киеве. Целую тебя, твой сын!

10.10.1991

Привет, папа! Спасибо за письмо и денежный перевод. Извини за молчание. В августе я охранял курсантское общежитие, а сентябрь провёл в Красном Селе на учебных сборах. Это был мой последний спокойный месяц. Мы собирали урожаи на колхозных полях, и нас за это вкусно кормили. В иные дни ездили на экскурсии в воинские части, где знакомились с бытом и жизнью солдат и офицеров.

Распорядок дня у нас следующий. Подъём в шесть утра. Зарядка. Кросс в парке, небольшое ОФП. Умывание и импровизированный душ под холодной водой. Одновременно закаливание. Затем построение повзводно и осмотр внешнего вида. Вчерашним школьникам тяжело усваивать премудрости военной науки. Ежедневное подшивание, чистка бляхи на пояском ремне, чистка сапог гуталином, проверка каблуков, ежедневное бритьё и прочее-прочее, что отличает человека военного от гражданского лица. От жилых кубриков до столовой метров восемьсот. Можно пройти за десять минут. Если с маршировкой, отжиманием и строевой песней – то за тридцать, антирекорд – час. Затем следует быстрый завтрак в относительно тёмной грязной столовой. После столовой построение на плацу, где начальник курса доводит основные планы на день. Строевая подготовка, получение формы, хозработы, изучение уставов, политинформация, просмотр программы «Время», написание писем домой, сбор урожая и т. п. Между этим – перерыв на обед, ужин и ночной сон. Почти ничем не отличается от настоящей армии, только без выраженной дедовщины, с меньшим количеством матерщины и осознанием, что скоро это закончится и наступит интеллектуальная пора.

В конце сентября состоялся полевой выход. Весь день мы воевали в учебном бою: тренировали наступление и оборону в составе роты. Я выступал в качестве командира взвода. Для ведения боя получил два магазина с патронами для АКМ, десять взрыв-пакетов, две дымовые шашки, три сигнальные ракеты. Вот уж настрелялся!

После окопной жизни немного затемпературил и вылез из уже в Санкт-Петербурге, куда вернулись двадцать восьмого сентября. Не верилось, что попали в человеческие условия. Горячая вода, душ, тёплые комнаты, туалеты да однорусные койки. Окружение удивляло нас, так как за время жизни в полевом лагере немного одичали.

С первого октября начался учебный процесс. Каждый день шесть часов лекций с практическими занятиями и пять-шесть часов обязательной самоподготовки под руководством преподавателя. Я и не предполагал, что здесь будет такая насыщенная программа обучения, но мне нравится. У многих кафедр вековые, а то и двухвековые истории. Иногда мне кажется, что за этими же партами сидели ученики Пирогова, Боткина, Павлова, Сеченова и иных прославленных профессоров нашей страны.

Самое главное в академии – это учёба, а потом уже строевая выправка. От военицины осталось только ношение формы, наряды, обращение согласно субординации и передвижение по улице строем. Наверное, это поддерживает дисциплину и остаётся больше времени на учёбу. Радует, что в академии нет заборов, колючей проволоки, КПП – обязательных атрибутов воинской части. Большинство казарм и учебных корпусов находятся среди обычных жилых домов, и таким образом нам не надо ни от кого бежать или прятаться, и иногда к нам заходят гости из внешнего мира. Конечно наряды здесь такие, как в обычной армии. Дневальный по курсу, дежурный по общежитию, по КПП, наряд по столовой, академический и гарнизонный патруль. Самый грозный наряд – заступление в патруль по городу, когда офицеры комендатуры с линейкой в руках проверяют миллиметры на погонах и в причёске, сточенность каблуков на сапогах и уставное бельё.

На первый курс поступило сто восемьдесят человек, ещё девяносто поступило на первый третьего факультета и сто сорок – на четвертый. Будущие моряки носят тельняшки, бескозырки, робу и краги (ботинки), туалет называют галюном, взлётку палубой, казарму – каютой. У нас всё привычно. Мы носим сапоги с портянками и обычную военную форму, отличаясь от лётчиков цветом погон, петлиц и околышами на фуражках (у нас красные, у них – синие). Заметил, что качество сукна гораздо лучше, чем у солдатской одежды, хотя внешне почти не различишь.

На первом курсе второго факультета сформировали пять взводов, в каждом взводе есть два отделения. Как и в армии, есть старшина, командир взвода, заместитель командира взвода и два начальника отделения. Все командные должности заняты ребятами, поступившими из армии и из суворовских училищ. По моим наблюдениям, процентов шестьдесят-семьдесят начальных командиров из Украины, Беларуси и Молдавии. Руководит нами относительно молодой курсовой офицер – старший лейтенант медицинской службы, родом из Винницы. В Ленинград он приехал из приамурской деревни Сковородино, где служил начмедом части и успел войти в образ пехотного офицера. Это означает, что подход, отход желательнo строевым шагом, отдавание воинского приветствия и соответствующие речевые обороты: никак нет, так точно, разрешите обратиться, здравия желаю.

Мне присвоили воинское звание младший сержант (минуя ефрейтора) и назначили командиром отделения, в котором учится восемнадцать человек. Я руковожу подопечными: веду дневник нарядов, работ, журнал успеваемости, пропусков занятий, провожу телесные осмотры и зарядки, и, как непосредственный начальник, отвечаю за их чаяния и проступки. В качестве бонуса поселили в отдельной командирской комнате на четырёх человек, и по ночам я могу заниматься, тогда как остальные ребята живут в кубриках, где после отбоя горит только дежурное освещение и курсанты штудируют конспекты лишь в туалете и умывальнике. На первом курсе мы живём в общежитии, которое называют Пентагон, из-за схожести с аналогичным зданием в США. Как мне рассказали, второкурсники после сдачи экзамена по анатомии во время зимней сессии устраивают праздник «жопы», во время которого бегают по внутреннему дворику общежития и кричат «жопы ушла», а первокурсники им вторят «жопы пришла». При этом самые отчаянные надевают на себя одни лишь одни хирургические халаты и демонстрируют то, что обсуждают. Всё это сопровождается фейерверком из зажженных конспектов и книг. В академии много славных традиций, которые заложены ещё сто-двести лет назад и курсанты их свято чтят. Например, выпускники морского факультета натирают пуговицы и стетоскоп бронзовому памятнику С.П.Боткину, а новоявленные врачи второго факультета – грудные железы богине Гигиене (богиня здоровья).

Кормят нас неплохо. От казармы до столовой шестьсот метров. Каждый раз во время прогулки к ней любуюсь пришивартованным к невским берегам крейсером «Аврора». Сама столовая чистая и просторная, за столом сидит четыре человека. Во время приёма пищи обеденные залы проверяет дежурный по академии и спрашивает у нас, всем ли мы довольны. Конечно, никто не жалуется. Хотя мне кажется, что порции маленькие.

Из дома я взял спортивную форму с кроссовками и вечерами бегаю по набережным Невы и вдоль её притоков. Готовлюсь к выступлению на первенстве округа, которое будет в конце октября. Немного увлекся гиревым спортом, и у меня хорошо получается рывок. Зимой мы сдаём зачёт по гиревому спорту.

01.12.1991

Привет, папа! Спасибо за письмо. Рад, что на Украине проходят масштабные перемены. У нас всё несколько иначе. В Петербург приезжала царская семья, для которой в Зимнем Дворце устроили торжественный приём с шампанским и чёрной икрой. Новоиспечённый мэр предложил наследнику царя, якобы князю, присесть на престол России. Его поддержала и супруга, со словами в камеру: «Что в России сейчас разные красномордые лезут везде и мешают им жить?» Наверное, она имела в виду того, кто вручил им эту власть. Как можно верить таким правителям и чего от них ожидать в будущем? Ведь ещё недавно Собчак методично уничтожал всех носителей негативной информации о нём. А всего пару лет назад он вещал о достижениях социализма и вёл трудовой народ к светлой победе коммунизма во всём мире

Это политика, далёкая от реальной жизни. Как кто-то сказал: «Люди живут не тем, кто находится у власти, а так, как могут существовать!». В чём-то я согласен с этой цитатой. Сейчас в Санкт-Петербурге пустые полки в магазинах, астрономические цены на рынках, между которыми снуёт полуголодное население. Всё, что можно купить в продуктовых магазинах, отстояв часовые очереди, – это хлеб и молоко. У меня ощущение, что всё население страны заболело гастритами и перешло на молочно-хлебную диету. Но уже и молоко с хлебом попадают в разряд дефицита.

Радует, что все эти реформы по переходу из развитого социализма в дикий капитализм никак не отражаются на моей жизни. Как жили – так и живём. Не хуже и не лучше. Наша армейская система отличается стабильностью, устойчивостью ко всему новому и определённым бюрократизмом. И её невозможно чем-то разрушить, так как порядок и дисциплина в армии необходимы для защиты любого строя.

В личной жизни – на первом месте у меня наука, на втором – еда, на третьем – сон. Вот и это письмо я пишу вторую неделю из-за дефицита времени. Объём информации гигантский, и не все ответы на вопросы можно найти в учебниках и лекционных конспектах. Приходится часто гостить в библиотеке или бегать по книжным магазинам. Библиотек здесь много, и книжный фонд гигантский. Некоторые книги выдают на руки, но большинство доступны только в читальном зале. Наши наставники нам часто напоминают, что: «Высшее образование мы получаем не для государства, а для самих себя и поэтому процесс обучения должен складываться в большей мере из самостоятельных занятий, чем из уроков с преподавателями». Не так-то просто к этому привыкнуть.

Но обучение довольно интересное. На физике и химии постоянно ставим опыты и практические эксперименты, на биологии препарируем лягушек, голубей, червей и насекомых, на гистологии – рисуем в альбомах, красим и микроскопируем материал, на анатомии – работа с настоящими человеческими костями и трупами. У меня преимущественно отличные оценки, за исключением химии и физики, но время для изменений ещё есть. Хочу сказать, что только здесь в академии я понял, что такое настоящая учёба, так как всё, что было до неё, мне теперь представляется пустяком.

22.12.1991

Привет, папа! Спасибо большое тебе за денежный перевод. Я купил новый дипломат и калькулятор. Без него мне было тяжело считать логарифмы, синусы, интегралы и остальные параметры. Интересно, зачем будущим врачам высшая математика? Наверное, для общего развития. Микрокалькулятор экономит время, которого здесь катастрофически не хватает. Ещё осенью я мог раз в неделю сходить в музей, кино или на концерт, то сейчас об этом могу лишь мечтать. На учебный процесс ежедневно уходит пятнадцать-семнадцать часов чистого времени в сутки. Оставшиеся семь-девять часов – еда, сон, организационные вопросы. Очень тяжело! Но перефразирую поговорку: «Тяжело в учении – легко в жизни!». И мне нравится здесь. Каждый день узнаю много нового, и эта информация связана с работой человеческого организма. И хоть мой выбор был случайным, но сейчас я твёрдо знаю, что эта случайность определила мой жизненный путь на долгие годы.

Ты спрашиваешь у меня про учёбу. В первом семестре я изучаю химию, физику, высшую математику, биологию, латынь, анатомию, гистологию и политическую историю, а также у меня еженедельные занятия на кафедре физподготовки. Хуже всего мне даётся высшая математика и физика. Чтобы выучить материал на «отлично», накануне ночь напролёт сижу за учебниками и зубрю формулы. Придумываю различные ухищрения, чтобы заучить большой объём информации.

Через месяц начнётся сессия из двух экзаменов по химии и физике, оценки по которым пойдут в зачётную книжку и потом в диплом. Преподаватели часто говорят, что первые три года мы работаем на зачётку, а оставшиеся три года она работает на нас.

Если всё будет хорошо, то первого февраля я приеду в зимний каникулярный отпуск, дней на десять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.